

На правах рукописи

Атнагулов Ирек Равильевич

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ НАГАЙБАКОВ В XVIII – НАЧАЛЕ
XXI ВЕКОВ: СТАНОВЛЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ**

Специальность – 07.00.07 Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Магнитогорск – 2017

Работа выполнена в Научно-исследовательском институте исторической антропологии и филологии Федерального государственного бюджетного учреждения высшего образования «Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова».

Официальные оппоненты: **Сафин Фаиль Габдуллович**
доктор исторических наук, профессор, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт этнологических исследований им. Р.Г. Кузеева Уфимского научного центра РАН, главный научный сотрудник отдела этнополитологии;

Октябрьская Ирина Вячеславовна
доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук, заведующая отделом этнографии;

Абашин Сергей Николаевич
доктор исторических наук, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Европейский университет в Санкт-Петербурге», профессор факультета антропологии, именной профессор (профессура British Petroleum).

Ведущая организация: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Томский государственный университет».

Защита состоится 5 июня 2017 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003.006.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук на базе Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, просп. Академика Лаврентьева, 17, конф.-зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и на официальном сайте института www.archaeology.nsc.ru

Автореферат разослан « ____ » _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

доктор исторических наук

С.В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы. Согласно Федеральному Закону от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/180406/>] и постановлению Правительства РФ № 255 от 24 марта 2000 г. «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» [URL: <http://demoscope.ru/weekly/knigi/zakon/zakon047.html>] нагайбаки официально получили статус коренного малочисленного народа. В соответствующих графах различных документов им было позволено взамен прежде официально утверждённого этнонима «татарин»/«татарка» записывать одно из исторически сложившихся самоназваний – «нагайбак»/«нагайбачка». Появление на этнополитической карте Урала и России новой идентичности стало очередным аргументом в пользу развертывания активного общественно-политического и академического дискурсов об исторических судьбах полиэтничного Российского государства и о природе российской нации, образованной множеством этнокультурных сообществ. Острота политического и академического дискурсов определяет актуальность данной работы [Дробижева, 2009].

Объектом исследования является народ – нагайбаки, зафиксированные в материалах Всесоюзной 1926 [URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php] и Всероссийских 2002 [URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>] и 2010 гг. [URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php] переписей населения. Всего в СССР в 1926 г. нагайбаков насчитывалось 11219 [URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php] из них 10949 чел. на территориях традиционного проживания [Подсчитано по: Плешков, 1928. Т.т. II, XIII, XV]. По данным Всероссийской переписи населения 2010 г. людей, назвавших себя нагайбаками всего насчитывалось 8148 чел. [URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php]. Абсолютное большинство их проживало: в Челябинской обл. – 7679 чел. [URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php].

Предметом исследования является воссоздание истории становления структуры идентичностей нагайбаков, выявление факторов и механизмов её трансформации в контексте Российской истории XVIII – XXI вв.

Территориальные рамки исследования. Этнической территорией нагайбаков с 1736 по 1843 гг. являлось Вост. Закамье, а с 1843 г. по настоящее время – Юж. Зауралье. Оба эти региона в соответствии с физико-географическим районированием относятся к Юж. Приуралью. Географические рамки исследования с 1736 по 1843 гг. ограничиваются территорией Уфимской пров. (с 1782 г. – Белебеевский у.), а с 1843 г. и по настоящее время границами современного расселения нагайбаков – это Нагайбакский, Чебаркульский и Уйский р-ны Челябинской обл. В настоящее время большинство их, за исключением трудовых мигрантов, обитает в здешних местах. До 1920-х гг. эти земли входили в состав Верхнеуральского и Троицкого у. Оренбургской губ. Нагайбаки бывшего Троицкого у. ныне расселены на территориях Чебаркульского, в основном в с. Варламово, д. Попово, п. Ключевский Второй (Лягушино), Болотово и Уйского р-нов – в д. Краснокаменка. Нагайбаки бывшего Верхнеуральского у. сосредоточены в Нагайбакском р-не, главным образом в с. Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Требия и п. Астафьевском.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1736 г. по 2015 г. Выбор нижней временной границы обусловлен следующими причинами: начиная с 1736 г., на территории Вост. Закамья в бассейне р. Ик возникают казачьи поселения. Именно с этого года, согласно документам и свидетельствам современников, мы можем вполне утвердительно говорить, о том, что в казачьих населённых пунктах Вост. Закамья проживали крещёные татары и другие, повёрстанные в казачье сословие по указу Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. В этот год здесь основывается кр. Нагайбакская, давшая впоследствии наименование группе казаков, расселённых в ней самой, а впоследствии и казакам других соседних населённых пунктов, переселившихся вместе с казаками Нагайбакской ст. в 1843 г.

в Верхнеуральский, Троицкий, Оренбургский и Орский у. Оренбургской губ. Верхние хронологические рамки ограничены современностью. В первой главе текста исследования, а также в эпизодах, связанных со становлением религиозной идентичности нагайбаков, встречаются описания некоторых событий, происходивших на территории Сред. Поволжья и Ниж. Прикамья в период с 1552 по 1736 г. Исторические экскурсы, выходящие за основные хронологические рамки, необходимы для объяснения сути фактов и событий по существу изучаемого вопроса.

Историография вопроса. Историю изучения нагайбаков можно поделить на три хронологических периода: кон. 1720-х – 1840-е гг.; нач. 1850-х – 1910-е гг.; с 1920-х гг. по настоящее время. Последний период можно условно поделить на два отрезка – советский (до 1991 г.) и постсоветский. Разница между ними принципиальная, ибо в первый временной промежуток научных публикаций, посвящённых нагайбакам, почти не было, а с нач. 1990-х гг. и по настоящее время их число, пожалуй, превосходит весь список, начиная с сер. XVIII в. Во всех исторических документах и литературных памятниках с кон. 1720-х гг. – времени первых упоминаний о группах, принявших непосредственное участие в формировании нагайбаков и почти до 1990-х гг. число публикаций и объём сведений о них крайне невелик. За весь данный период не было опубликовано ни одного специального монографического исследования по теме.

В течение первого периода фрагментарные сведения появлялись в статьях или в виде отдельных упоминаний в книгах, посвящённых изучению различных проблем [Рычков П., 1762; Рычков Н., 1770; Георги, 1776; Лепёхин, 1821]. Во втор. пол. XIX – нач. XX в. отмечается некоторая интенсификация публикационной деятельности по нагайбакам, которые впервые в научной литературе отмечены данным этнонимом [Небольсин, 1852]. Наиболее существенный массив литературного материала появляется в кон. XIX – нач. XX вв. Это периодическая светская и религиозная печать [Рыбаков, 1896; Бектеева, 1902; Витевский, 1882, 1882, 1891; Альметев, 1911 и др.], отдельные монографии, посвящённые этнографическому описанию Юж. Урала [Круковский, 1909; Катанов, 1898], Оренбургского казачьего войска (далее – ОКВ) [Стариков, 1890, 1891], энциклопедическое издание, посвящённое географии России [Семёнов-Тян-Шанский, 1914].

В 1977 г. вышла монография, посвящённая кряшенам [Мухаметшин, 1977], но никакой информации по нагайбакам в ней нет. Эпизодически некоторые материалы по этнографии кряшен появлялись в исследованиях, посвящённых волго-уральским татарам в целом [Воробьёв, 1953]. Упоминание о нагайбаках имеется в сводной этнографической работе по народам СССР [Токарев, 1958]. Среди публикаций последних примерно трёх десятилетий вопросы, связанные с исследованиями нагайбаков рассматриваются Д.М. Исхаковым, Н.А. Халиковым, С.В. Суловой, Р.Г. Мухамедовой, Ф.Ш. Сафиной, Р.К. Уразмановой, Ф.Л. Шарифуллиной, Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, Ю.Г. Мухаметшиным, И.Р. Атнагуловым, А.В. Головнёвым, С.Ю. Белоруссовой, А.И. Макеевой и др. В истории изучения нагайбаков самыми насыщенными по числу публикаций периодами являются втор. пол. XIX – нач. XX вв. и посл. дес. XX – перв. дес. XXI вв.

Последовательность аналитического рассмотрения историографии представлена в соответствии с проблемно-хронологическим принципом, основанном на разделении по следующим проблемам: этногенез и этническая история, хозяйство и культура, идентичности нагайбаков. Вопросы о происхождении и их этнических связях рассматриваются едва ли не с момента появления этой группы после Указа от 11 февраля 1736 г. Об этом писали исследователи во втор. пол. XVIII в. [Рычков П., 1762; Рычков Н., 1770; Георги, 1776]. Сообщения о происхождении нагайбаков ограничивались перечислением тех этнических компонентов, которые фиксировались ими непосредственно во время посещения нагайбакских населённых пунктов – крещёные татары, старокрещёные, новокрещёные, крещёные азиаты и т.п. Со втор. пол. XIX в. нагайбаки, будучи уже на территории Верхнеуральского, Троицкого, Оренбургского и Орского у., рассматриваются как вполне сложившаяся и консолидированная группа [Небольсин, 1852]. Вопросы их происхождения

теперь уже связаны с изучением более отдалённых по времени событий. Первым, кто в XIX в. опубликовал краткую заметку, где имеются сведения об этногенезе нагайбаков, был П.И. Небольсин. К теме происхождения и этнической истории нагайбаков обращались исследователи кон. XIX – нач. XX в. [Витевский, 1891; Чернавский, 1900; Бектеева, 1902; Круковский, 1909 и др.]. В 1960–1980-х гг. в различной периодике появлялись статьи о населённых пунктах Нагайбакского р-на в основном в связи с их экзотическими наименованиями, связанными с войной 1812 г., а также современностью. Это статьи в газетах и журналах с. Фершампенуаз, г. Челябинска, Свердловска, Магнитогорска и Москвы, посвящённые как всем населённым пунктам [Рыжов, 1989], так и отдельным: Фершампенуазу [Руссова, 1965], Парижу [Андриянов, 1985], истории п. Александро-Невского [Бердников, 1990], Астафьевского, Кужебаевского [Рамазанова, 1986], Балканского [Теряков, 1987] и др. С нач. 1990-х гг. появляется ряд научных и популярных публикаций, посвящённых происхождению и истории нагайбаков. С этого же момента возникает, существующий до сегодняшнего дня, дискурс о генезисе нагайбаков. Современными исследователями предлагаются различные точки зрения. В 1993 г. появляется популярное издание, полностью посвящённое истории возникновения и становления кряшен и нагайбаков [Глухов, 1993]. Авторская версия о происхождении нагайбаков оказала сильное влияние на общественное мнение. Появление именно этой публикации положило начало развитию общественного дискурса об особом происхождении и времени появления нагайбаков [Минеев, 2008; Вдовина, 2008]. В том же году была опубликована научная монография [Исхаков, 1993], где говорится о происхождении и этнической истории нагайбаков. В 1995 г. им же была написана статья по этнодемографическому развитию нагайбаков [Исхаков, 1995]. Автором настоящего исследования было опубликовано девять статей, полностью посвящённых проблеме происхождения и этнической истории нагайбаков [Атнагулов, 2002, 2003, 2005а, 2005б, 2007, 2012, 2013, 2014, 2015], а также две монографии, в которых имеются соответствующие разделы [Атнагулов, 2007, 2015].

Хозяйство и культура нагайбаков впервые отмечается в работах XVIII в. П.И. Рычков был свидетелем первых лет обустройства Нагайбакской крепости [Рычков, 1762]. В этих описаниях он использует собственные наблюдения. О занятиях нагайбаков сообщали Н.П. Рычков и И.Г. Георги, которые путешествовали в составе оренбургских отрядов Физической экспедиции 1768-1774 гг. [Рычков, 1770; Георги, 1776]. Наибольшее число сведений по хозяйству и культуре содержится в исследованиях втор. пол. XIX – нач. XX в. [Витевский, 1878, 1882, 1891; Стариков, 1890; Бектеева, 1902]. Имеется рукопись Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургского края [ГАОО, ф. 168, оп. 1, д. 40]. Советский период в изучении этнической культуры нагайбаков можно отметить рядом публикаций 1980-х гг., сделанных казанскими исследователями. Они появились в результате полевых исследований в Челябинской обл. 1970–1980-х гг. В частности, можно отметить лингвистические исследования [Баязитова, 1986].

В числе публикаций о нагайбаках за последние десятилетия вопросы хозяйства и культуры освещаются в различных работах [Исхаков, 2005; Мухаметшин, 1977; Халиков, 1995а, 1995б; Уразманова, 2001; Сулова, 2000; Сафина, 1996; Шарифуллина, 1995]. В 1995 г. группой этих исследователей был опубликован сборник, посвящённый истории и культуре нагайбаков. Разрабатывалась тема хозяйства волго-уральских татар [Халиков, 1995б]. Им же опубликована статья, посвящённая хозяйству нагайбаков [Халиков, 1995а]. Строительная культура нагайбаков описана в публикациях кон. XIX – нач. XX вв. В частности, были замечены русские влияния, сочетающиеся с традиционными элементами в архитектуре и убранстве домов [Стариков, 1891; Бектеева, 1902; Игнатьев, ГАОО, ф. 168, оп. 1, д. 40]. Статья, опубликованная в 1995 г. в сборнике «Нагайбаки» и посвящённая обзору традиционного жилища, являлась первой основательной публикацией освещающей особенности конструкций и типов построек нагайбаков [Мухаметшин, 1995]. Сведения по системе питания появляются не раньше втор. пол. XIX в. О пище нагайбаков писали учёные и писатели кон. XIX – нач. XX в. [Витевский, 1891; Бектеева, 1902 и Стариков, 1891]. В кон.

XX в. казанские учёные занимались изучением системы питания нагайбаков [Мухаметшин, 1995], комплексов традиционной одежды [Сусллова, 1995]. Значительная часть её материалов размещена в атласе татарского народа [Сусллова, 2000]. На протяжении 1990-х гг. казанскими исследователями разрабатывались темы по ткачеству [Сафина, 1995, 1996], обрядово-праздничной культуре [Уразманова, 1995, 2001], свадебной обрядности [Шарифуллина, 1995], языковой культуре [Рамазанова, 1995; Баязитова, 1995; Исхаков, 1993]. Начиная с 1998 г. автором настоящего исследования было опубликовано более 20 работ, посвящённых хозяйству и культуре нагайбаков. Наиболее значимыми являются монография, посвящённая хозяйству и материальной культуре [Атнагулов, 2007], статьи, посвящённые изучению хозяйства [Атнагулов, 2014а, 2014б], поселений и жилищ [Атнагулов, 1998, 2004, 2011], комплексов одежды [Атнагулов, 2000], системы питания [Атнагулов, 2003, 2004], религиозного состояния [Атнагулов, 2000, 2007, 2013, 2015а, 2015б, 2016], некоторых элементов обрядовых практик [Атнагулов, 2003а, 2007г].

История изучения нагайбакских идентичностей началась с того момента, когда интересующая нас группа возникла как казачье подразделение. Характеристика, данная нагайбакам в сер. XVIII в., отражает все три главных составляющих их идентичностей – конфессиональную, сословную и этническую [Рычков, 1762]. В этой работе и в публикациях других исследователей втор. пол. XVIII в. [Георги, 1776, Рычков, 1770, Лепехин, 1771, Фальк, 1824] главное внимание акцентируется на конфессиональной и сословной идентичностях. Во втор. пол. XIX – нач. XX вв. нагайбаки отмечаются уже не столько как конфессиональная или сословная группа в составе татар, сколько как этнический компонент в составе оренбургских казаков. Именно с сер. XIX в. название «нагайбаки» впервые звучит уже как этноним [Небольсин, 1852]. При этом для уточнения, давалось пояснение, что нагайбаки – это крещёные татары-казаки [Витевский, 1891; Бектеева, 1902; Альметев, 1911; Стариков, 1890 и др.]. Версия о татарском происхождении пересекалась с другими гипотезами [Небольсин, 1852; Витевский, 1891; Стариков, 1890; Бектеева, 1902; Круковский, 1909; Чернавский, 1900 и др.]. Процессы аккультурации нагайбаков русской средой были замечены в кон. XIX в. [Рыбаков, 1896]. Церковных иерархов интересовало духовное состояние, поэтому в их публикациях содержатся материалы, отражающие, в основном, религиозную идентичность [Чернавский, 1900; Толстой, 1876; Альметев, 1911 и др.]. Кроме церковных проблем, в этих работах затрагиваются также моменты, связанные и с сословной идентичностью. В этих публикациях неизбежно появлялся материал, отражающий этническую идентичность нагайбаков, что характеризует её в этот период как маркирующую [Альметев, 1911; С.А., 1912 и др.]. Заметное оживление в изучении вопроса нагайбакских идентичностей возникает с нач. 1990-х гг. [Исхаков, 1993, 1995]. В работах указанного автора, пожалуй, наиболее полно отражена историография и уделяется большое внимание этнической истории, демографии нагайбаков, и собственно нагайбакской идентичности. Исследования Д.М. Исхакова по истории кряшен и нагайбаков использовались при составлении энциклопедий [Народы России, 1994; Народы и религии мира 1999], коллективных трудов по волго-уральским татарам [Уразманова, 2001]. Автор рассматривает нагайбакскую идентичность в контексте политического и культурного развития волго-уральских татар.

Новый период в истории изучения идентичностей нагайбаков наступает с кон. 1990-х гг. Начало этому положили экспедиционные исследования и публикации автора настоящей работы, посвящённые комплексному исследованию истории и культуры нагайбаков. Начиная с 1998 г. было опубликовано 22 научных работы, посвящённых возникновению и становлению идентичностей нагайбаков, среди которых одна является монографическим исследованием, посвящённым исключительно этой теме [Атнагулов, 2015], а в другой монографии история становления этнической идентичности нагайбаков рассматривается в контексте развития хозяйства и материальной культуры втор. пол. XIX – нач. XX вв. [Атнагулов, 2007]. Из публикаций последних лет следует отметить статью, в которой дан анализ результатов масштабной трансуральской экспедиции по изучению уровней идентичностей различных народов региона – от Приполярного до Южного Урала [Головнёв,

2013]. Материалы исследования позволяют оценить комплекс самоидентификационных признаков нагайбаков в сравнении с другими идентичностями Приуралья. Иной угол зрения на нагайбакские идентичности создаёт более объёмное представление об их месте в этнической мозаике региона. По материалам работы экспедиции была опубликована статья, в которой обсуждается проблема нагайбакской идентичности в контексте современной исторической памяти народа [Белоруссова, 2014]. В процессе изучения истории, культуры и идентичностей нагайбаков автором диссертации был опубликован ряд статей, посвящённых демографическому развитию нагайбаков и их соседей, современной этнодемографической ситуации в Нагайбакском р-не и характеру межэтнических контактов нагайбаков с другими народами [Атнагулов, 2011б, 2012, 2014д, 2015, 2016]. Эти материалы существенно дополнили сюжет формирования нагайбакских идентичностей в контексте этнокультурных контактов.

Источниковая база исследования включает широкий спектр нормативных политико-административных документов, справочные и архивные материалы, данные статистики, авторские полевые материалы, материалы региональных музеев (включая фото-фонды), фольклорные материалы, данные публицистики, прессы, видеозаписи и др.

Нормативные документы. В Сборнике указов от 1735 и 1736 гг. имеется документ, подписанный Анной Иоанновной, об определении уфимских новокрещёных в казачество и снятии с них ясака [Добросмыслов, 1900]. Том XIX Полного собрания законов Российской Империи содержит Указ Екатерины II от 17 июня 1773 г. «О терпимости всех вероисповеданий» [ПСЗ. Т. XIX]. Появление этого документа во многом определило дальнейшую судьбу нагайбаков. В документе от 1843 г. нагайбаки отмечены как категория казаков, подлежащих переселению [Правила о переселении на земли Оренбургского казачьего войска, 1843]. Федеральный Закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и Постановление Правительства Российской Федерации № 255 от 24 марта 2000 г. «О едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» являются государственными актами признания нагайбакской идентичности.

Историко-архивные материалы. К ним относятся различные документы, мемуарные записи, полевые материалы, хранящиеся в фондах архива Русского географического общества (РГО), Российского государственного исторического архива (РГИА), Государственного архива Оренбургской области (ГАОО), Государственного архива Челябинской области (ГАЧО), историко-краеведческого музея им. А.М. Маметьева с. Фершампенуаз Нагайбакского р-на, Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан. К этой же группе источников относятся похозяйственные книги населённых пунктов Нагайбакского района. Данные по истории и культуре нагайбаков в XIX в. были обнаружены в ГАОО. Это архивные фонды канцелярий губернаторов, губернских палат (управлений) государственного имущества, статистических комиссий и комитетов, учёных архивных комиссий и т.п. Например, смета о потребности леса [ГАОО. Ф. 6, оп. 6, д. 11982], дело об учреждении временных питейных выставок [ГАОО. Ф. 6, оп. 6, д. 12015], об оказании материальной помощи казакам [ГАОО. Ф. 6, оп. 7, д. 663; оп. 10, д. 5273; оп. 11, д. 1793, 1993; Ф. 164, оп. 1, д. 33], о переселении нагайбаков в новополинейные посёлки [ГАОО. Ф. 6, оп. 10, д. 5273], сведения по учёту жителей Остроленки, Фершампенуаза, Парижа и Требии в 1844 г. [ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1793], Касселя, Остроленки, Требии, Фершампенуаза и Парижа в 1853 г. [ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1993], Касселя, Требии, Парижа, Остроленки и Фершампенуаза в 1854 г. [ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1993], свод по сословиям за 1873 г. [ГАОО. Ф. 6, оп. 11, д. 1993], сведения по хозяйству и материальной культуре [ГАОО. Ф. 168, оп. 1, д. 40; Ф. 185, оп. 1, д. 8]. Ряд материалов был использован в ходе изучения фондов РГИА. В отчёте генерал-адъютанта В.А. Перовского отмечены семьи переселённых в 1843 г. казаков русских и калмыков, поселённых рядом с нагайбаками, устройении Новой линии и проблем взаимоотношений казаков с казахами [РГИА. Ф. 853, оп. 1, д. 66]. В другом документе имеются сведения о населении сёл Белебеевского у., после того как их покинули казаки

[РГИА. Ф. 853, оп. 1, д. 97]. Донесение о ходе ревизии Оренбургской губ. [РГИА. Ф. 1537, оп. 1, д. 2] содержит перечень «крещёных азиатцев», находившихся в составе казаков-нагайбаков. В архиве Института истории им. Ш. Марджани АН Республики Татарстан находится рукопись Сусловой С.В. и Мухамедовой Р.Г. подготовленного к изданию историко-этнографического атласа татар.

Полевые материалы. Основой источниковой базы являются полевые материалы автора, датируемые 1998–2009 и 2014–2015 гг. Исследования проводились в Нагайбакском и Чебаркульском р-нах Челябинской обл. В Нагайбакском были охвачены с. Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия, в Чебаркульском р-не – д. Попово. В 1998–2002 гг. были зафиксированы образцы жилых и хозяйственных построек втор. пол. XIX – нач. XX в. и более позднего времени, орудия труда, одежда и украшения, утварь и т.д., находящиеся в музейных коллекциях и семейных архивах. Материалы представлены в приложении к диссертационному исследованию в виде фотографий и рисунков. Всего зафиксировано визуальными техническими средствами и зарисовано около пятидесяти фотографий и рисунков. Анкетирование проводилось в 2004–2009 и 2015 гг. в с. Остроленка, Фершампенуаз и Париж, где проживает наибольшее число нагайбаков. В опросах также принимало участие небольшое число жителей с. Кассель и Требия. Результаты анкетирований отражены в таблицах приложения к диссертации.

Статистические материалы составляют отдельную группу документов и представляют результаты переписей населения и других государственных актов, как в печатных изданиях, так и в интернет-ресурсе.

Ревизии. Во II томе «Населения России по Пятой ревизии» содержатся данные, имеющие отношение к вопросу о происхождении нагайбаков. Это связано с перечислением состава населения Нагайбакской ст. по религиозному признаку. Сведения помогают уточнить соотношение крещёных и некрещёных групп, вошедших в состав формирующихся местных казаков [Дэн, 1902].

Текущая документация и справочники. В справочно-статистических изданиях XIX в. имеются сведения по численности казаков Белебеевского у. в 1837 г. [Дебу, 1837], данные по населению Оренбургской губ [Зверинский, 1871]. Здесь приведены сведения по сословному, религиозному и этническому составу населения.

Переписи. Издание 1904 г., публикующее материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. [Тройницкий, 1904], в XXVIII томе представляет сведения по Оренбургской губ. Нагайбаки как самостоятельная группа этой переписью не фиксировались в отличие, например, от тептярей и мещеряков. Языковые идентичности населения учитывали тептярский и мещеряцкий, относя при этом язык нагайбаков к татарскому. Существенным недостатком публикации является отсутствие данных о численности населения по населённым пунктам. Однако, сопоставление других параметров – религиозного, сословного и языкового состава населения Верхнеуральского и Троицкого у. даёт возможность не абсолютного, но весьма точного подсчёта численности нагайбаков. Недостаток предыдущего восполняют материалы другого издания 1905 г., составленного также по материалам Всероссийской переписи населения 1897 г. [Тройницкий, 1905]. Здесь имеются сведения по числу жителей во всех населённых пунктах, где проживали нагайбаки. Однако нет сведений по языковому, сословному и религиозному составу посёлков, что также не позволяет производить точных подсчётов. В перв. трети XX в. численность нагайбаков наиболее полно отражают материалы переписи населения 1926 г. В 1928 г. было опубликовано многотомное издание, в трёх томах которого есть сведения по Троицкому, Челябинскому и Златоустовскому округам [Плешков, 1928]. Здесь отмечено почти всё население, зафиксированное в документах переписи населения 1926 г. как «нагайбаки». Численность нагайбаков последних тринадцати лет отражают материалы Всероссийских переписей населения 2002 [URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>] и 2010 гг. [URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php].

Региональная статистика XX–XXI вв. В 2005 г. опубликован справочник «Нагайбакский район в фактах и цифрах» [Маметьев, 2005]. Данные по современному состоянию хозяйственной деятельности населения Нагайбакского р-на имеются на официальных сайтах Администрации района [URL:<http://nagaybak74.ru>; URL:<http://www.nagaybak.ru>].

Похозяйственные книги. Сведения о численности хозяйств и населения, этнической самоидентификации жителей нагайбакских посёлков содержат также похозяйственные книги с. Остроленки, Фершампенуаза и Парижа за период с нач. 1940-х по кон. 1980-х гг.

Мемуары. Нагайбакский районный историко-краеведческий музей имеет в своём фонде хранения рукопись очевидца нач. XX в. – Н.В. Байтерякова, где представлены сведения о хозяйстве, домах, семейном и общественном устройстве, казачьей службе и др. Сведения по историческому развитию нагайбаков, полученные от жителей Нагайбакского р-на, а также личные воспоминания о прошлом имеются в рукописях основоположника музейного дела в районе и первого директора историко-краеведческого музея с. Фершампенуаз А.М. Маметьева (1923–2005).

Публицистика представлена произведениями авторов XVIII – нач. XX вв. Ряд публикаций этого периода может быть отнесён как к литературе, так и к источникам. Это связано с тем, что аналитическая часть в них минимальна или вовсе отсутствует, что делает их публикациями, скорее, краеведческого характера. Первая книга, сообщившая о казаках Нагайбакской кр., была переиздана трижды [Рычков, 1762, 1882, 1999]. В другом произведении того же автора даны сведения о политической ситуации в Юж. Приуралье 1730-х гг. [Рычков, 1896]. В 1770 г. вышла книга его сына – Н.П. Рычкова, в которой имеется запись о Нагайбакской кр. и её жителях [Рычков, 1770]. Этнический состав и быт населения Оренбургской губ. был зафиксирован другими участниками академических экспедиций XVIII в. [Лепёхин, 1771; Георги, 1776; Фальк, 1824]. В нач. XX в. появляются данные о нагайбаках Троицкого у. [Круковский, 1909]. В частности, о некоторых элементах комплекса женской одежды, которые у нагайбаков Верхнеуральского у. в то время уже не использовались. Существенный массив источников был обнаружен в периодической печати втор. пол. XIX – нач. XX в. На IV Археологическом съезде был зачитан доклад, где говорилось о повседневной жизни, одежде, пище, хозяйстве и духовной жизни казаков-нагайбаков [Витевский, 1891]. Этим же автором в нескольких номерах газеты «Волжско-Камское слово» была опубликована статья, в которой сообщается о хозяйстве и жилищах нагайбаков [Витевский, 1882]. Источниками по культуре нагайбаков и их этнического окружения являются публикации рубежа XIX-XX вв. [Стариков, 1881, 1890, 1891; Бектеева, 1902].

Православное духовенство публиковало этнографические заметки о жизни нагайбаков в религиозной периодике. В каждом выпуске Оренбургских епархиальных ведомостей имеются материалы о жизни крещёных «инородцев» региона – татар, чувашей и др. Начиная с 1870-х гг. и далее появляются специальные материалы о нагайбаках [Толстой, 1876; Миссионерская деятельность в инородческих приходах. Сведения о религиозном состоянии нагайбаков за 1906 г.; Альметев, 1911; С.А., 1912].

Следующую группу источников составляют *словари, энциклопедии и справочники*. Упоминание о нагайбаках имеется в словаре В.И. Даля [Даль, 2000]. В энциклопедическом издании под ред. В.П. Семёнова-Тян-Шанского нагайбаки упоминаются как отдельный этнос среди прочего населения Юж. Урала [Семёнов-Тян-Шанский, 1914]. Топонимия Нагайбакского р-на отражена в одном из словарей [Шувалов, 1989]. На страницах современных российских энциклопедий нагайбаки появляются в 1990-х гг. [Народы России, 1993; Народы и религии мира, 1999]. В 1997 г. опубликована энциклопедия [Глухов, 1997], посвящённая истории и культуре кряшен и нагайбаков. Составлен рекомендательный указатель литературы фондов Фершампенуазской районной библиотеки [Максимова, 2004]. В 2008 г. опубликован топонимический словарь [Минеев, 2008]. Большую ценность как источник представляет книга воспоминаний жителей района [Вдовина, 2008]. Поиски

оснований языковой идентичности среди нагайбаков привели к появлению в 2015 г. «Русско-нагайбакского – нагайбакско-русского словаря» [Барышникова, 2015].

Видеоматериалы как источник представлены работой исследователя из Екатеринбурга С.Ю. Белоруссовой – фильм «Из Парижа в Париж», посвящённый памятной поездке представителей нагайбакского народа по городам Европы, в честь которых названы их сёла. Ряд эпизодов фильма очень точно иллюстрирует уровни самоидентификаций нагайбаков – сословной, конфессиональной, этнической.

Цель исследования заключается в том, чтобы, воссоздав историю становления структуры идентичностей нагайбаков, выявив факторы и механизмы её трансформации в контексте российской истории XVIII–XXI вв., дать её исчерпывающую характеристику актуальную для новейшей истории.

Задачи исследования состоят в следующем:

1. Выделить основные периоды этноисторического развития нагайбаков;
2. Дать характеристику историческим условиям, при которых возник феномен групповой идентичности нагайбаков;
3. Назвать причины возникновения и выяснить степень изменчивости идентичностей нагайбаков;
4. Определить уровни нагайбакских идентичностей и их основные маркирующие за весь период исторического развития народа;
5. На материале нагайбаков показать роль политического, этнокультурного и общественного факторов в формировании новых идентичностей в России XVIII – нач. XXI вв.;
6. Провести анализ современного состояния в обсуждении кряшенского и нагайбакского вопросов в рамках политического, академического и общественного дискурсов;
7. Дать характеристику современных идентичностей нагайбаков.

Решение этих задач позволяет раскрыть главную **проблему** работы – объяснить механизм и логику становления и трансформации идентичностей нагайбаков на протяжении XVIII–XXI вв., в контексте этнополитической истории Урала и России в целом.

Гипотеза исследования состоит в том, что этническая история и становление структуры идентичностей нагайбаков определяется их переходом от сословия в составе крещёных татар Уфимской пров. XVIII в., через этническую группу в составе Оренбургских казаков Верхнеуральского у. до сформировавшегося к кон. XX в. народа. Эта гипотеза опирается на тезис о том, что в основании современной идентичности нагайбаков находится ряд признаков, которые позволяют сохранять групповое самосознание при отсутствии актуального функционирования культурных и социальных архетипов прошлого.

Положения, выносимые на защиту:

1. Формирование этнической картины некоторых регионов России за всю историю формирования её территорий в современных границах проходило при активном участии государства. Наглядным историческим примером в этом отношении является регион Сред. Поволжья, Ниж. Прикамья и Юж. Приуралья, где начиная со втор. пол. XVI в. прошёл целый ряд масштабных государственных акций, результатом которых стало появление новых этнических, сословных и прочих локальных идентичностей, ранее не существовавших – тептяри, мещеряки, кряшены и т.п.

2. Наиболее крупными по численности населения и географии распространения среди новых идентичностей явились кряшены – крещёные татары, возникшие в результате государственной политики христианизации аборигенного населения Сред. Поволжья и Ниж. Прикамья. В перв. трети XVIII в. крещёные татары представляли, хотя и территориально раздробленную, но единую по самосознанию группу. Поскольку в русских текстах они обозначались как крещёные (новокрещёные, старокрещёные) [Рычков, 1762] и никак иначе, то общим самоназванием их, вероятнее всего, был конфессионим «керэшен» (от русск. – «крещёный»), мн. ч. – «керэшеннэр», противопоставлявший эту часть татарского населения

мусульманской, употреблявшей, чаще всего, в качестве эндоэтнонима другой конфессии – «мэсэлмэн» (мусульмане) [Уразманова, 2001].

3. В процессе государственного строительства Оренбургской губ. и ОКВ одна из групп кряшен, оказавшаяся на данной территории, была переведена в казачье сословие. Все дальнейшие действия властей по отношению к ним были направлены на создание определённой социальной изоляции от татар-мусульман на основе религиозной, а от остальных кряшен на основе сословной принадлежности. Возникновение новой идентичности было зафиксировано появлением общеупотребляемого группового обозначения-соционима – «нагайбакские казаки», «казаки-нагайбаки», «нагайбаки» и т.п., возникшего на основе местной топонимии.

4. Судя по документам кон. XVIII – нач. XIX вв. нагайбаки Белебеевского у. официально маркировались соционимом [Исхаков, 1995]. Исходя из того, что до настоящего времени и конфессии и соционим у нагайбаков в качестве эндоэтнонимов разных уровней используются одновременно, то можно считать, что практика параллельного употребления этих самоназваний сложилась не позднее кон. XVIII – нач. XIX вв. Период с 1736 по 1843 гг. был временем, когда идентичность нагайбаков базировалась на двух главных составляющих – конфессиональной и сословной. Обе по-разному социально отделяли нагайбаков от окружающего их большинства населения. Именно сословная принадлежность в этот период может считаться главным маркером, поскольку никакая из окружающих нагайбаков этнических, этноконфессиональных или сословных групп не имела точно такого же соотношения и конфигурации идентичностей.

5. Дальнейшие действия государства по обустройству Оренбургской губ., юго-восточных границ Российской империи и реформам ОКВ на протяжении с 1840-х гг. до нач. XX в. привели к тому, что нагайбаки оказались переселёнными с территории их первоначального формирования в иные географические и этносоциальные условия. Принципиально изменившаяся общественная среда повлияла на дальнейшие векторы развития идентичностей нагайбаков – от полной или частичной ассимиляции татарами и русскими одних групп, до высоко развитого уровня самосознания с этнической окраской у других. Часть нагайбаков, переселившаяся в Верхнеуральский у. и создавшая собственные моноэтнические посёлки, оказалась в территориальном окружении русских казаков. Этот фактор оказал решающее воздействие на дальнейшее развитие вектора нагайбакских идентичностей в сторону увеличения этнической компоненты и уменьшения конфессиональной и сословной составляющих. Этнический феномен нагайбаков фиксировался многими исследователями втор. пол. XIX – нач. XX вв., а ряд государственных актов – Всесоюзная перепись населения 1926 г., создание Нагайбакского р-на в 1927 г. – дал этому официальное подтверждение.

6. На протяжении XX – нач. XXI вв. комплекс идентичностей нагайбаков развивался под влиянием многочисленных государственных реформ, воздействовавших порой противоречиво. Результаты полевых исследований, а также материалы всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. свидетельствуют о наличии нагайбаков как одного из этносов, расселённого двумя компактными географическими группами на территории Челябинской обл. Проведённые диагностика и мониторинг современного этнокультурного состояния нагайбаков свидетельствуют о динамических изменениях их идентификационной базы за истекшее столетие. Феномен группового самосознания нагайбаков, сформировавшийся по историческим меркам за весьма короткий срок, неоднократно менял опорные идентификационные признаки, всякий раз транслируя новые доминанты. Каждый этап смены одной доминантной идентичности на другую возникал в результате ощутимых воздействий со стороны государства, а этнические границы выстраивались самими нагайбаками всякий раз, с использованием новых маркеров. В настоящее время идентификационная основа нагайбаков это идея существования общности. Групповая самоидентификация подкрепляется государственным признанием данной группы, наличием

административной территории, определяющей конкретные географические рамки этнической родины, исторической памятью народа, сохраняющей важнейшие события и атрибутику.

Методологическая основа и методы исследования. Общую методологию диссертационного исследования определяет полипарадигмальный подход, опирающийся на современные теории этноса и этничности, использующий такие базовые понятия этнологии как этногенез и этническая история, реальность этноса, динамичный характер трансформаций идентичностей. Методологическим основанием работы является конструктивистский подход. В исследованиях крупнейших зарубежных представителей этого научного направления Ф. Барта [Барт, 2006], Б. Андерсона [URL: <http://www.e-reading.link/book>], Э. Геллнера [URL: <http://www.klex.ru/dfj>], Э. Хобсбаума [URL: <http://royallib.com/book/hobsbaum>] и др. проявилась не только эффективность данного метода, но и в ряде моментов его непротивопоставленность примордиалистской и инструменталистской парадигме. Некоторые из российских учёных – сторонников примордиализма – предлагают ревизию теории этноса Ю.В. Бромлея с возможностью дальнейшего плодотворного взаимодействия со структуралистско-конструктивистской парадигмой [Винер, 2005].

Существует мнение, что конструктивистская методология, широко распространённая среди учёных англоязычных стран, наиболее продуктивна в исследованиях феноменов этничности так называемых «эмигрантских наций» [Шакурова, URL: http://www.superinf.ru/view_helpstud.php?id=2059]. Новейшие исследования ряда российских учёных опровергают эту точку зрения. В российской этнологии конструктивистский метод получает распространение с нач. 1990-х гг. [Абашин, 2009]. Из отечественных этнологов последовательными сторонниками конструктивистского подхода являются В.А. Тишков, С.Н. Абашин, С.В. Соколовский и др. Принципиальной для российской этнологии является полипарадигмальность, предполагающая оценку этнической идентичности с позиций объективизма и одновременно допускающая множественность и изменчивость идентичностей этнического сообщества. Известно, что базовые этнические признаки – жилища, одежда, пища, язык, религиозная культура – в процессе развития отдельных сообществ обнаруживают высокую степень изменчивости. Представляется, что изучение феномена нагайбаков – их истории, культуры и структуры идентичностей – наиболее продуктивно осуществлять на конструктивистской методологической основе. Примордиалистский подход, широко использовавшийся в советской этнографии [Бромлей, 1981, 1983], а на постсоветском пространстве часто – среди научных школ бывших союзных или автономных республик [Соколовский, 2006], неизбежно приводит к парадигме этнического единства нагайбаков и татар [Уразманова, 2001], подразумевающей общее самосознание и идентификационную платформу. В этом отношении точка зрения автора совпадает с мнением Н.А. Томилова и С.Н. Корусенко [Корусенко, 2006], которые не согласны с предложенной казанскими учёными схемой структуры татарской этнической общности, включающей сибирских татар, нагайбаков и др., без учёта сложности динамики и изменчивости этнических идентичностей.

Диссертационное исследование построено с использованием общенаучных, исторических и собственно этнологических методов. Общенаучные, применимые во всех науках, методы рассчитаны на решение тех или иных задач, возникающих в познавательско-исследовательской деятельности [Ковальченко, 2003].

Исторический и *логический* методы использованы при изучении этнических процессов на Юж. Урале в пространственном и временном отношениях. Метод *восхождения от конкретного к абстрактному и от абстрактного к конкретному* использовался при работе с различными документами. Исследования проводились, также, с применением общенаучных методов *системного подхода* и *системного анализа*. К числу основных общеисторических относятся: *историко-генетический*, *историко-сравнительный* и *историко-типологический* методы [Ковальченко, 2003]. *Историко-генетический* использовался для построения исторических реконструкций прошлого, установления причинно-следственных связей между отдельными событиями и степени их влияния на формирование изучаемой группы. *Историко-сравнительный* применялся в изучении конфессиональной, сословной и

этнической специфики нагайбаков в контексте окружающей их этнической среды. *Историко-типологический метод* был использован при исследовании материальной культуры для построения классификационных схем.

К узкопрофессиональным этнологическим относятся различные *методы поиска и сбора информации*. В этом ряду основным является *метод экспедиционного поиска и сбора*. На протяжении всего периода исследовательской деятельности на территориях Нагайбакского и Чебаркульского р-нов было проведено одиннадцать полевых сезонов, включавших экспедиции как *стационарные* так и *маршрутные*. Сбор материала производился с использованием *методов полевой этнографии: непосредственного наблюдения* материальных остатков культуры в виде сохранившихся до настоящих дней комплексов и отдельных элементов исторической застройки, образцов одежды, хозяйственной деятельности, системы питания, общественных отношений и т.п.; *включённого наблюдения* во время длительного нахождения в период полевых сезонов и в течение года, с участием в хозяйственной деятельности и обрядово-ритуальной культуре; *интервью* в беседах, как с рядовыми жителями, так и с представителями нагайбакской интеллигенции: директорами и сотрудниками местных музеев, школьными учителями, участниками фольклорных ансамблей и др.; *анкетирования* населения с. Остроленка, Фершампенуаз и Париж с целью фиксации современной языковой и этнокультурной ситуации среди нагайбаков.

Научная новизна диссертации заключается в следующем:

- настоящая работа является первым в истории изучения нагайбаков исследованием подобного рода и объёма;
- отмечена решающая роль государства в формировании новых идентичностей поволжско-приуральского региона в период его колонизации;
- дано объяснение исторических условий, при которых возник феномен нагайбаков как новой идентичности;
- указаны объективные причины и факторы, повлиявшие на формирование нагайбаков;
- дан научный анализ и оценка трём основным факторам, повлиявшим на становление нагайбакских идентичностей, – конфессиональному, сословному и этническому;
- становление нагайбакских идентичностей рассматривается через ряд аспектов – социально-политический, этномиграционный и этнокультурный;
- впервые определены степень соотношения конфессионального, сословного и этнического компонентов самоидентификации нагайбаков и их актуальное функционирование за весь период исторического развития;
- идентификационные признаки нагайбаков рассматриваются в их динамике, что позволяет делать выводы об изменчивости идентификационного поля;
- в работе впервые представлена полная этнонимическая номенклатура нагайбаков в её структурно-иерархической последовательности;
- впервые дано разъяснение тому, что считать экзо- и эндоэтнотими, их корректное написание и области функционирования;
- подвергается критике принятый среди некоторых исследователей подход этнической диагностики современных нагайбаков на основе этнографических данных втор. пол. XIX – нач. XX вв.;
- в решении вопроса современного состояния нагайбакской идентичности предлагается новый подход, опирающийся на реальную современную этнокультурную картину;
- в работе впервые определены границы оснований современной нагайбакской идентичности;

Теоретическая значимость работы состоит в следующем:

– в контексте научного дискурса, связанного с обсуждением феномена идентичности, настоящая работа продолжает изучение плодотворности применения конструктивистского методологического подхода;

– с опорой на конструктивизм в методологии исследования ключевых моментов диссертации, предлагает полипарадигмальный подход, включающий ряд фундаментальных положений по теории этноса и этногенеза в рамках примордиалистских концепций;

– непротиворечивость различных методологических подходов, обнаруженная в процессе их применения в диссертации, позволяет говорить о целесообразности использования данного опыта в дальнейших исследованиях.

Практическая значимость работы

Фактический материал диссертации может быть полезен для составления больших обобщающих трудов по истории и этнологии Юж. Приуралья, энциклопедических и учебных изданий, подготовке материалов для проведения переписей населения. Список источников и литературы может пополнить библиографию по нагайбакам и истории региона. Процесс формирования и развития нагайбакских идентичностей является своего рода наглядным пособием по изучению роли государства и политических процессов в возникновении новых идентичностей. Важное практическое значение имеет исследование истории межэтнических контактов среди групп различной сословной, религиозной и языковой принадлежностей в условиях приграничного региона.

Апробация темы

Основные положения диссертации докладывались и обсуждались на различных научных конференциях, конгрессах и т.п.: «Сибирь в панораме тысячелетий» Международный симпозиум (Новосибирск, 1998); «Россия и Башкортостан: Общая история – общее будущее» Региональная научно-практическая конференция, посвящённая 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России» (Магнитогорск, 2007); «Сибирское казачество: история и современность» Всероссийская научно-практическая конференция (Омск, 2011); «Этнические взаимодействия на Южном Урале» Региональная (с международным участием) научно-практическая конференция (Челябинск, 2002, 2004, 2006, 2009, 2012, 2015 гг.); «Гороховские чтения» IV региональная музейная конференция (Челябинск, 2013); «Традиционная культура народов Поволжья» Всероссийская научно-практическая конференция (Казань, 10-12 февраля 2015); III, V, VII, VIII, IX, XI Конгрессы антропологов и этнологов России; «Нагайбаки: история и традиционная культура» Научно-практический семинар (Челябинск, 26 марта 2015); «Этнос. Общество. Цивилизация: IV Кузеевские чтения» Международная научно-практическая конференция (Уфа, 2015 г.); «Россия и Восток: взаимодействие стран и народов» Всероссийский съезд востоковедов с международным участием (Уфа, 2015 г.) и др.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении обосновывается актуальность темы, определены объект, предмет, научная новизна, теоретическая и практическая значимость, представлена общая характеристика степени её изученности, дан анализ источниковой базы исследования. Разделение текста диссертации на четыре главы произведено по принципу хронологической последовательности смены трёх периодов развития нагайбакских идентичностей и их современного состояния.

Структура каждой из первых трёх глав состоит из четырёх параграфов и выстраивается в соответствии с перечнем главных аспектов формирования идентичностей нагайбаков – политической, этнической, конфессиональной, сословной, этнокультурной, этнодемографической. Четвёртая глава состоит из трёх параграфов.

Первая глава посвящена исследованию начального периода становления нагайбакских идентичностей с 1736 по 1843 гг. Первый параграф раскрывает этнополитическую ситуацию в Юж. Приуралье этого периода. Необходимость освещения данного материала обусловлена одной из главных причин возникновения феномена нагайбаков – политико-административные и социальные реформы государства в 1730–1740-х гг. Главнейшими событиями этого периода являются: подавления башкирских восстаний, строительство укрепленных поселений вокруг башкирских земель, усиление военного, в том числе казачьего, компонента в регионе, проведение Оренбургской экспедиции, учреждение Оренбургской губ. и Оренбургского казачьего войска (ОКВ). В числе новопостроенных крепостей была Нагайбакская, основанная в 1736 г. в вост. части Уфимской пров. Основным её населением, а также находящегося неподалёку с. Бакалы и нескольких деревень, стали крещёные татары, в том же году за неучастие в башкирских восстаниях по указу Анны Иоанновны обращённые в казачество [Добросмыслов, 1900]. С этого момента часть крещёных татар Уфимской пров. продолжает своё историческое развитие в составе казачьего сословия, а с 1748 г. – в составе ОКВ. В 1798 г. возникла новая административная система управления казачьими подразделениями – кантонная, согласно которой было образовано пять кантонов оренбургских и два уральских казаков. В составе третьего кантона оренбургских казаков находились нагайбаки. Среди казаков Оренбургской губ. были также татары-мусульмане, башкиры, тептяри и мещеряки. Башкиры и мещеряки составляли собственное войско – Башкиро-мещерякское, в отличие от нагайбаков, входивших вместе с русскими в состав ОКВ. К сер. XVIII в. структура нагайбакских идентичностей включала три базовых компонента – сословный, конфессиональный и этнический. Основной материал первой главы посвящён их детальному изучению.

Во втором параграфе рассматриваются сословные аспекты формирования структуры идентичностей нагайбаков. Вместе с возникновением социально обособленной группы в структуре крещёных татар одновременно произошло рождение нового соционима – «нагайбакские казаки» или «казаки-нагайбаки» [Рычков, 1762; Георги, 1776], трансформировавшегося позднее в этноним – «нагайбаки». Именно этот фактор в период с 1736 по 1843 гг. сыграл решающую роль в формировании нагайбакской идентичности. Принадлежность к казачьему сословию впервые очертила границы группового самосознания нагайбаков среди остальных кряшен Вост. Закамья и социально отделило их от другой части населения, которая ни по языку, ни по каким-либо другим этнокультурным признакам от них не отличалась. Переход части крещёно-татарского населения в казачество изменил этническую ситуацию и конфигурацию расселения различных групп в бассейне р. Ик. Во-первых, в кр. Нагайбакской, с. Бакалах и других близлежащих населённых пунктах произошла консолидация части кряшенского населения на базе казачьего сословия с усвоением общего самоназвания экзогенного происхождения. Во-вторых, в силу принадлежности к казачьему сословию началось естественное отдаление этой группы от родственного им не казачьего населения края, а из опасения мусульманского влияния из нагайбакских станиц административными мерами были выселены все татары-мусульмане [РГИА. Ф. 853, оп. 1, д. 97].

Находясь одновременно этнически – в составе крещёных татар и сословно – казачьего сообщества Оренбургской губ., нагайбаки имели вполне чётко очерченную территорию постоянной дислокации и собственные населённые пункты – кр. Нагайбакская, с. Бакалы и др. Основной сословный состав этих населённых пунктов фигурирует как «старокрещёные татары-казаки», «крещёные казаки», «татары-казаки» [Исхаков, 1995]. После ухода нагайбаков в 1843 г. в Верхнеуральский и другие уезды население этих деревень состояло из старокрещёных татар и крещёных тептярей, но уже не казаков [РГИА. Ф. 853, оп. 1, ед. хр. 97]. Нагайбаки, проживая до 1843 г. в одних и тех же населённых пунктах с крещёными татарами не казачьих сословий, обладали теми же идентификационными признаками, что и окружающее их население, за исключением одного – сословного. Нагайбаки Белебеевского у., так же, как и всё окружающее их население, говорили на татарском языке. Как и все их

односельчане, они являлись православными христианами. И, наконец, этнографические данные, зафиксированные во втор. пол. XIX – нач. XX вв. свидетельствуют о существовании единого комплекса материальной культуры казаков-нагайбаков с окружающим их до 1843 г. населением Белебеевского у. Сословная принадлежность не позволяла им (по крайней мере, в массовом порядке) создавать смешанные семьи с представителями из не казачьих сословий. Не способствовала этому даже общая религиозная принадлежность и единый разговорный язык. Таким образом, в период с 1736 по 1843 гг. в условиях нахождения в среде преимущественно татарского (крещёно-татарского) населения сословная принадлежность нагайбаков являлась главным маркирующим признаком их идентичности. Языковая, религиозная и этнокультурная виды идентичностей являлись второстепенными по отношению к сословной.

Третий параграф посвящён вопросам становления конфессиональной идентичности. В истории формирования нагайбаков конфессиональный фактор являлся первым в хронологическом порядке и некоторое время едва ли не главным маркирующим идентичности их предков. Основы конфессиональной составляющей нагайбакских идентичностей начали формироваться задолго до появления самой группы – со втор. пол. XVI в. – времени первой волны массовой христианизации населения Сред. Поволжья и Ниж. Прикамья. Субстратом будущих нагайбаков, несомненно, послужило крещёное татарское население Уфимской пров., расселённое в ряде деревень между Уфой и Мензелинском [Исхаков, 1995]. В состав нагайбаков вошли старокрещёные, а также и новокрещёные, вышедшие в прошлом из мусульман и «идолопоклонников» [Рычков, 1762]. Последними могли быть чуваша, восточные марийцы или закамские удмурты. Все три группы были непосредственными соседями кряшен Уфимской пров. [Бектеева, 1902]. Акт христианизации предков нагайбаков в кон. XVI в. носил во многом формальный характер. Как известно, процесс христианизации населения Волго-Камья происходил на протяжении, как минимум, почти двух столетий – с 1552 г. по сер. XVIII в. Однако во втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в. принадлежность к православному христианству у многих групп кряшен оставалась лишь номинальной. Многочисленные дохристианские пережитки, бытовавшие у нагайбаков, не раз отмечались исследователями и более позднего времени [Софийский, 1891; Бектеева, 1902]. Нагайбаки, будучи составной частью ОКВ, находились под пристальным вниманием местной епархии. Основными проблемами в укреплении православного сознания были недостаток храмов и отсутствие священнослужителей, умеющих читать проповеди на татарском. Не случайно в это время наблюдалось массовое отпадение крещёных татар в мусульманство [Уерт, 1995; Брайан-Беннигсен, 1994]. Большая заслуга в деле укрепления нагайбаков в христианстве принадлежит первому губернатору оренбуржья И.И. Неплюеву [Витевский, 1897]. Он обратился в Сенат с представлением об отделении нагайбаков от мусульман, что и было выполнено путём переселения «иноверцев», а в 1746 г. по его же инициативе в кр. Нагайбакской была построена церковь [Витевский, 1897]. Нагайбакская ст. стала центром распространения христианства среди местного инородческого населения [Чернавский, 1900]. Конфессиональная идентичность нагайбаков, основы которой сформировались до 1736 г. в крещёно-татарской среде, до 1843 г. являлась вторым по значимости маркирующим признаком. Данный идентификационный признак объединял нагайбаков с кряшенами не казачьего сословия и отделял обе группы от татар-мусульман.

В четвёртом параграфе говорится об этнической составляющей нагайбакских идентичностей. Высказывались различные точки зрения по вопросу о происхождении нагайбаков, которые можно объединить в две основные версии. Согласно первой, процесс их формирования связан, в основном, с казанскими крещёными татарами, согласно второй – главным образом с выходцами из Ногайской Орды. Обе версии, скорее, дополняют друг друга, поскольку большинство специалистов учитывают оба компонента, но в различных соотношениях. Вероятнее всего, формирование нагайбаков происходило при участии этнических компонентов различного происхождения. Основываясь на данных П.И. Рычкова, можно предположить, что этнический субстрат нагайбаков составили местные поволжско-

прикамские группы, в состав которых входили татары, а также, по всей вероятности, чувашаи и какое-то финноязычное население [Рычков, 1762]. О татарском происхождении нагайбаков писали российские исследователи кон. XIX – нач. XX вв. [Витевский, 1891, 1897; Альметев, 1911; Чернавский, 1900; Бектеева, 1902; Рыбаков, 1896] и др. Гипотеза о ногайском происхождении базируется на этнонимической преемственности. П.И. Рычков не передаёт никакой информации о непосредственных связях казаков ст. Нагайбакской с выходцами из Ногайской Орды, но у него есть разъяснение названия поселения, полученное им из рассказов местных жителей, в которых сообщается, что на этих землях раньше находились ногайцы [Рычков, 1762]. Ряд исследователей XIX – нач. XX в. считали, что нагайбаки имеют татарско-ногайское происхождение [Небольсин, 1852; Круковский, 1909; Семёнов-Тян-Шанский, 1914]. О ногайском происхождении говорит какой-то документ, известный Е.А. Бектеевой и Ф.М. Старикову [Бектеева, 1902; Стариков, 1881]. Ногайские корни происхождения некоторым образом учитываются современными учёными [Исхаков, 1993; Ахметзянов, 1985]. Адептом ногайской гипотезы был М.С. Глухов [Глухов, 1993]. Ногайцы ещё с эпохи Казанского ханства по разным причинам вливались в среду казанских татар [Хамидуллин, 2002]. И.Г. Георги сообщал о значительной доле ногайцев среди татар и нагайбаков [Георги, 1776]. Согласно лингвистическим данным [Ахметзянов, 1985], в этническом субстрате нагайбаков преобладает поволжско-татарский компонент. Вместе с тем, ни в коем случае не следует преуменьшать важности участия ногайских групп в формировании нагайбаков.

Кроме татарских и ногайских, в формировании нагайбаков принимали участие и, так называемые, азиатские компоненты. Они не повлияли на культуру нагайбаков и носят характер адстратных влияний. В Оренбургскую губ. попадало определённое количество беглецов, находившихся в плену у казахов. В их числе были «персияне, авганцы, каракалпаки, кызыл-баши, аравитяне» и др. [Рычков, 1762]. Все они приняли христианство, были зачислены в казачье сословие, занимались земледелием, скотоводством и несли казачью службу [Рычков, 1762]. К 1770 г. среди них наблюдался процесс аккультурации в местную этническую среду [Георги, 1776]. Об участии азиатских компонентов в формировании нагайбаков писали также В.Н. Витевский [Витевский, 1897] и Е.А. Бектеева [Бектеева, 1902]. К 1840-м гг. эти разнородные в прошлом группы уже, вероятнее всего, были консолидированы и имели общее самосознание. Формирование субстрата нагайбаков завершилось в 1736 г. вступлением крещёных татар в казачье сословие и положило начало собственно нагайбакской истории. Пребывание в казачьем сословии до 1843 г. – времени переселения в Юж. Зауралье – сопровождалось усилением социального барьера между нагайбаками и крещёными татарами не казачьего сословия. Групповое дистанцирование возникает как результат развития новой и доминирующей формы идентичности нагайбаков – сословной. Оставаясь, по сути, теми же кряшенами по религиозной принадлежности и комплексу элементов материальной культуры, имея общую идентификационную базу со всеми группами поволжских татар по языковой принадлежности, они транслируют собственную сословную идентичность. Нагайбаки являлись сословной группой в составе крещёных татар Белебеевского у. вплоть до 1843 г.

Вторая глава посвящена изучению развития и трансформациям идентичностей нагайбаков после их переселения в 1843 г. из Белебеевского в другие уезды Оренбургской губ. Структура главы состоит из четырёх параграфов, каждый из которых, как и в первой главе, позволяет рассматривать динамику изменения нагайбакских идентичностей в период с 1843 г. до кон. втор. дес. XX в. в различных аспектах.

В первом представлен материал, отражающий социально-политические аспекты трансформации идентичностей нагайбаков. С 1843 г. в исторической судьбе нагайбаков возникли перемены принципиального характера, повлиявшие на всё дальнейшее их развитие. Смена территории проживания, изменение этносоциального окружения отразились на развитии их культуры и самосознания. К нач. XX в. эти изменения стали настолько очевидными, что отмечались целым рядом исследователей. Географическая изоляция от соплеменников и тесные контакты с новым этническим окружением – русскими и казаками –

повлияли на формирование идентификационных признаков, очерчивающих их новый этносоциальный статус. В 1835–1837 гг. г. начал осуществляться государственный проект по казачьей колонизации степного Зауралья. Прежнюю линию укрепленных поселений было решено отодвинуть восточнее, для чего была проведена так называемая Новая линия. Район, ограниченный дистанциями старой и новой линий, стал называться Новолинейным. Основная его часть находилась на территории Верхнеуральского и частично захватывала Орский и Троицкий у. В 1840-х гг. Новолинейный р-н был поделён на 32 участка, в каждом из которых были основаны поселения, в которые переводили казаков вместе с семьями из внутренних уездов. Населённые пункты, основанные на территории будущего Нагайбакского р-на, получили наименования: п. № 1 – Кассель, № 2 – Остроленка, № 3 – Фершампенуаз, № 4 – Париж, № 8 – Требия, № 24 – Арси, № 31 – Куликовский. Из них нагайбакские – Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж и Требия, русские – Арси и Куликовка. Топонимия Новолинейного р-на отражала знаменательные события из российской военной истории.

Другие две группы нагайбаков были расселены за пределами Новолинейного р-на. В Троицком у. они оказались в русских населённых пунктах – с. Варламово, д. Попово, Болотово, Краснокаменка и Ключёвка Вторая (Лягушино) и составили самую северную группу. В Оренбургском и Орском у. нагайбаки были также поселены среди русских в п. Неженском, Подгорном, Ильинском, Гирьяле и Алабайтале, образовав южную группу. Кроме того, они попали под влияние оренбургских татар и к нач. XX в., перейдя в мусульманство, оказались ими ассимилированы [Бектеева, 1902]. Из этих двух в поле нашего исследования находятся нагайбаки троицкой (северной) группы, однако их численность изначально была ниже и в дальнейшем неуклонно снижалась за счёт смены идентичности на русскую [Атнагулов, 2015]. Наиболее крупной по численности оказалась верхнеуральская (центральная) группа. Дальнейшее историческое развитие нагайбакских идентичностей рассматривается главным образом на материале центральной и частично северной групп.

Этнический состав населения Новолинейного р-на во втор. пол. XIX – нач. XX вв. выглядел следующим образом. К моменту его создания основным населением степного и лесостепного Зауралья являлись казахи подразделений «кипчак» и «кирей» Среднего, а также «байулы» и «жетыру» Младшего Жузов [ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 2013]. Они обитали здесь в основном летом, а с середины осени до середины весны степь оставалась безлюдной [Рычков, 1762]. После основания Новолинейного р-на здесь появляются русские, калмыки и нагайбаки. Наиболее крупным этническим компонентом в его населении становятся русские [Правила о переселении, 1843]. В населённых пунктах, основанных на территории будущего Нагайбакского р-на, численность русских и нагайбаков неуклонно возрастала, и к моменту создания района три крупнейших этнических группы – русские, нагайбаки и казахи составляли 8031, 7722 и 1554 чел. соответственно [Подсчитано по: Плешков, 1928]. Калмыки в первой половине 1920-х гг. добровольно покинули Юж. Зауралье, переселившись в Ниж. Поволжье [Рыбалко, 2007].

Русские, нагайбаки и калмыки, являясь представителями одного сословия, при этом сохраняли этническую обособленность и практически не перемешивались друг с другом [Бектеева, 1902]. Крайне редкое исключение составляли отдельные калмыки, вступавшие в браки с нагайбаками или русскими. Немногочисленные потомки от нагайбакско-калмыцких браков до настоящего времени проживают в населённых пунктах Нагайбакского района, проявляя общую с нагайбаками идентичность [ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 2006]. Калмыки и нагайбаки, в отличие от русских, находились ещё и в географической обособленности от основного массива своих народов. Подобного рода длительная изоляция нередко приводит к постепенным изменениям и возникновению культурных отличий от остальной части этноса. Эти отличия возникают, главным образом, под воздействием двух причин – консервации архаичных черт собственной культуры и появлением инноваций, возникающих в результате совместного проживания с другими группами на новой территории. В случае с калмыками каких-либо существенных изменений в культуре не произошло [Рыбалко, 2007]. Иная ситуация стала складываться среди нагайбаков. Ряд факторов (земледельческое хозяйство,

православное вероисповедание, казачья служба), несмотря на известное межгрупповое дистанцирование [Бектеева, 1902], способствовал интенсификации культурных связей нагайбаков с русскими. На территории Белебеевского у. они, как известно, находились в окружении соплеменников – кряшен не казачьего сословия. Контакты с русским населением Верхнеуральского у. стали причиной появления целого ряда этнографических особенностей, отличающих нагайбаков от кряшен Сред. Поволжья и Прикамья.

Если в Белебеевском у. казаки-нагайбаки находились в окружении кряшен не казачьего сословия, то на территории Верхнеуральского у. они оказались в окружении русских, состоящих с ними в одной сословной группе. На территории Белебеевского у. противопоставление кряшен-казаков ст. Нагайбакской остальному населению происходило исключительно по сословному признаку. Являясь носителями общего языка и культуры, эти две группы имели разный социальный статус, что и повлияло на формирование у казаков-нагайбаков особого самосознания, имеющего сословную окраску. В Верхнеуральском у. противопоставление окружающему населению на основе сословной принадлежности потеряло всякий смысл, ибо всё окружение находилось в том же состоянии. Главными маркёрами идентичности нагайбаков становятся этнокультурные признаки – такие, как язык и материализованная культура. Они, в свою очередь, сыграли решающую роль в дальнейшем процессе формирования самосознания нагайбаков, которое, повторим, складывалось в условиях изоляции от ближайших этнических сородичей – кряшен Закамья.

Второй параграф иллюстрирует этнодемографическую ситуацию у нагайбаков и их ближайших соседей с 1843 по 1897 гг. За этот период на территории будущего Нагайбакского р-на возникли 13 казачьих посёлков и восемь казахских аулов. Все населённые пункты были в основном моноэтническими. В их составе насчитывалось русских не менее 4015, нагайбаков – не менее 9187 [Подсчитано по: Троицкий, 1905], казахов – до 328, калмыков – до 528 чел. [Подсчитано по: Троицкий, 1904]. Нагайбакские посёлки находились в подчинении разных русских станиц. Контакты между нагайбаками, русскими и казахами были неизбежны и, вероятнее всего, носили регулярный характер [Бектеева, 1902]. На это указывает целый ряд этнографических данных.

В третьем параграфе рассматриваются основные этнокультурные аспекты идентичностей нагайбаков. Степень адаптации и изменчивости культуры хорошо прослеживается в хозяйственной и материальной деятельности. Хозяйственная культура нагайбаков до 1843 г. складывалась в кряшенской среде Вост. Закамья, где основным обеспечивающим видом было пашенное земледелие. Продолжало оно сохранять эту специализацию и в Юж. Зауралье, но с местными особенностями. Новые природно-климатические и социальные условия увеличили в хозяйственной системе скотоводческий сегмент. Однако, в отличие от казахов, оно было пастбищно-стойловым, а в отличие от русского варианта пастбищно-стойлового скотоводства, у нагайбаков была больше численность поголовья, с заметно большей долей мелкого рогатого скота. Подобные перемены в жизни этноса – изменения экологических условий, модернизация хозяйственной системы нередко приводят к смене идентичностей [Холанд, 2006]. Хозяйство нагайбаков представляло оригинальный комплекс, основанный на взаимовлиянии двух хозяйственно-культурных систем – оседлоземледельческой, с развитым пашенным земледелием и степной скотоводческой, с пастбищно-стойловым содержанием скота и лишь некоторыми элементами кочевого скотоводства [Атнагулов, 2014в]. К нач. XX в. жилища нагайбаков имели типологически общие черты с постройками русских, но с некоторыми отличиями во внутреннем убранстве, характерными для татарско-кряшенской среды Волго-Камья. Подобные типы жилищ в нач. XX в. являлись локальным комплексом нагайбаков [Атнагулов, 1998в]. Более интенсивные изменения к нач. XX в. начали претерпевать комплексы одежды [Атнагулов, 2000а]. С первых десятилетий XX в. одежда нагайбаков, как и большинства населения страны, развивается под воздействием одних и тех факторов – влияние городской моды, торговые предложения и финансовые возможности потребителя. Система питания в новых условиях, сохраняя присущий ей консерватизм, неизбежно подвергалась внешним

воздействиям. Её структурная основа, сложившаяся в условиях Вост. Закамья, сохранила номенклатуру и оригинальные названия блюд, снедей и полуфабрикатов, характерных для татар и кряшен Сред. Поволжья и Прикамья. Однако контакты с русскими и казахами привели к появлению новых блюд и снедей [Атнагулов, 2007а].

Материализованная культура нагайбаков до 1843 г. формировалась в системе кряшенской. С 1843 г. по нач. XX в. инерция сохранения архетипов культуры населения Сред. Поволжья и Прикамья ещё оставалась, хотя изменения стали уже очевидны. Именно с учётом этих изменений к нач. XX в. хозяйственная деятельность и материализованная культура нагайбаков сформировались в оригинальный этнокультурный комплекс, ставший основанием нагайбакской идентичности данного периода их исторического развития. Развитие культуры неизбежно сопровождается изменениями, связанными с этнокультурными контактами и необходимостью социальной адаптации в среде окружающего населения региона [Барт, 2006]. Становление комплекса материализованной культуры у нагайбаков в данный период свидетельствует о возникшем процессе аккультурации.

Параграф четвёртый посвящён развитию конфессиональной идентичности. По всей видимости, к моменту переселения религиозное состояние нагайбаков было таким, что, несмотря на внешне очевидную принадлежность к христианству, среди них сохранялись пережитки мусульманского и родоплеменного прошлого [Атнагулов, 2015]. Во втор. пол. XIX и в нач. XX в. в российской научной и религиозной литературе стали появляться заметки о духовном состоянии крещеных инородцев Поволжья и Приуралья [Багин, 1910]. Интерес к этой проблеме был вызван случаями массового возвращения отдельных групп в прежнее вероисповедание – мусульманство, а иногда и возврат к родоплеменным культам [Уерт, 1995]. Допустимо, что, являясь номинально христианами, часть нагайбакского населения продолжала, возможно тайно, сохранять приверженность мусульманству [Бектеева, 1902]. Оказавшись в русском этническом окружении, религиозный фактор идентичности нагайбаков с 1843 г. как маркирующий значительно ослабевает. В этих условиях таковым становится комплекс других этнокультурных признаков (хозяйство, материальная культура и язык), сложившихся у нагайбаков и их предков ещё в Сред. Поволжье и Вост. Закамье.

Третья глава представляет сюжет развития идентичностей нагайбаков в XX в. – нач. XXI в. Хронологическими рамками этого периода являются 1926 и 2010 гг. Первый параграф посвящён роли хозяйственно-культурного комплекса в развитии идентичностей нагайбаков. Хозяйство и другие занятия нагайбаков как комплекс идентификационных признаков, сложившихся в нач. XX в., в течение XX – нач. XXI вв., развивались в русле социально-профессионального усложнения структуры общества. Хозяйственная система нагайбаков, сложившая к нач. XX в. как пашенное земледелие с развитым пастбищно-стойловым животноводством, продолжила своё развитие до кон. XX в. в том же русле, но с особенностями социалистической системы хозяйствования. В 1925–1928 гг. территория Нагайбакского р-на вошла зону освоения целинных земель, что привело к образованию ещё около двух десятков хозяйств преимущественно зернового направления. Начиная с 1930-х гг. на территории Нагайбакского р-на проходит массовая коллективизация, в ходе реализации которой были образованы крупные зерновые и мясо-молочные хозяйства. Несколько нагайбакских, русских и казахских населённых пунктов образовали крупные хозяйства. Нагайбаки вместе с русскими и казахами за весь период их совместного проживания выработали хозяйственный комплекс, максимально приспособленный к условиям степного Зауралья. Этот комплекс, характерный для групп оседлых пашенных земледельцев степной и лесостепной частей Евразии, сформировался с довольно развитым животноводческим сектором, большим удельным весом крупного и мелкого рогатого скота. Пастбищно-стойловое животноводство нагайбаков, генетически восходящее к хозяйственным комплексам кряшен Восточного Закамья, на протяжении втор. пол. XIX в. заметно усилилось. Тем самым хозяйственная система нагайбаков обнаруживает различия с кряшенами и татарами Среднего Поволжья и Прикамья. Подобные различия, образовавшиеся во втор. пол. XIX в., сохраняются и по настоящее время. В кон. XX – нач. XXI вв. отмечается

дифференциация населения по профессиональной принадлежности и занятости. Это связано с повышением общего уровня образования и профессиональной подготовки, увеличением категории населения, состоящей на государственной службе, числа работающих в области образования, культуры, сферы обслуживания, торговли и т.п. Определённую эволюцию в своём развитии в XX – нач. XXI вв. прошла строительная культура. Ещё в кон. 1990 – нач. 2000-х гг. большинство построек по конструктивным особенностям и строительным материалам соответствовало сооружениям кон. XIX – нач. XX вв. [Атнагулов, 2004а; ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 1998-2001] Изменения касались в основном кровли, некоторых элементов внешнего оформления, внутреннего убранства и др. [Атнагулов, 2007а] Строительная культура в нач. XXI в. по масштабам инноваций, а в некоторых случаях, даже изменений революционного характера, переживает метаморфозы, сопоставимые, пожалуй, с ситуацией смены комплексов одежды в перв. дес. XX в. Система питания, на протяжении XX в., пройдя собственный эволюционный путь развития, обнаруживает как инновационные, так и консервативные черты. Основа системы питания нагайбаков, заключающаяся в соотношении пищи животного и растительного происхождения, соразмерности использования в растительном сегменте пищи из зернового и садово-огородного сырья, номенклатуры обязательных празднично-ритуальных снедей и блюд и т.п., за прошедшее столетие принципиальных изменений не претерпела. Инновации отразились, в основном на некотором расширении ассортимента употребляемых продуктов, в основном за счёт товаров, приобретаемых в магазинах, и на некоторых способах термической обработки пищи в повседневной и праздничной кухне. Ритуальная кухня в основном продолжает сохранять исторически сложившийся регламент [Атнагулов, 2007а; ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 2000]. Современная нагайбакская система питания продолжает сохранять черты поволжско-тюркской кухни с заметными инновационными изменениями, связанными как с влиянием русских и казахов, так и общими изменениями, связанными со значительно расширившимся информационным полем, а также с использованием современной бытовой техники, новых видов посуды и т.п.

Второй параграф отражает социально-профессиональную структуру и уровень образования нагайбаков в нач. XXI в. Исследования проводились в Остроленке, Фершампенуазе и Париже, где сосредоточено более 60 % всех нагайбаков района. По социально-профессиональной структуре опрошенное население более чем на 53 % оказалось в категории рабочих и служащих. По всем трём населённым пунктам преобладает население с неоконченным средним, средним общим и средним специальным образованием.

Третий параграф раскрывает динамику языковой идентичности. Согласно лингвистической классификации язык нагайбаков является говором в составе среднего диалекта татарского языка [Баязитова, 1986, Закиев, 1996; Рамазанова, 1995]. Язык, на котором говорили казаки-нагайбаки до 1843 г. на территории Белебеевского у. являлся общим для всех кряшен, поскольку и казаки-нагайбаки и кряшены не казачьего сословия формировались из одних и тех же этнических компонентов. После переселения в 1843 г. их языковая культура стала складываться изолированно от говора кряшен Закамья и в связи с этим приобрела некоторые особенности [Рамазанова, 1995]. Поэтому язык нагайбаков выделяется в качестве самостоятельного говора на одном таксономическом уровне вместе с говорами других групп кряшен. Некоторые отличия от литературного языка татар сложились в силу тех же обстоятельств, по которым возникли таковые в говорах остальных кряшен. Нагайбаки считают родным языком тот, на котором говорили их предки, и сейчас он употребляется наряду с русским в ежедневном общении. Сами нагайбаки родной язык татарским не называют, а обозначают его как «керэшенчэ» или, при общении с представителями других этносов – «нагайбакским». По-разному нагайбаки относятся к понятию «родной язык». Родным языком считают нагайбакский – 62 %, русский – 23,2 %, нагайбакский и русский – 14,8 %. Основным разговорным считают одновременно нагайбакский и русский – 44,3 %, русский – 25 %, нагайбакский – 30,2 %. Видна также

очевидная тенденция уменьшения области функционирования нагайбакского языка с каждой более молодой возрастной группой.

В четвёртом параграфе дана информация о развитии религиозной идентичности нагайбаков в 1930–2000-х гг. В 1930-х гг. все церкви Нагайбакского р-на были ликвидированы. Свидетельства очевидцев событий демонстрируют процесс смены государственной идеологии на примерах судеб конкретных людей. Новое поколение – молодёжь 1930-х гг. – решительно уничтожает религиозную культуру, как пережиток прошлого. Жители старшего поколения 1930-х гг. воспринимают этот процесс как великую драму. Прежнюю религиозную культуру, как могли, сохраняли в отдельных семьях. Она, как и самосознание нагайбаков, не исчезла, но продолжала долгое время сохраняться в латентном состоянии. С кон. 1980 – нач. 1990-х гг. у нагайбаков, как и у населения всей страны, стал наблюдаться процесс религиозного возрождения. В 2001 г. было завершено строительство церкви в с. Фершампенуаз. Большинство нагайбаков называет себя православными христианами. Одним из индикаторов религиозной идентичности являются предпочтения в выборе брачного партнёра. В целом среди нагайбаков распространены браки моноэтнические – 71 % и нагайбакско-русские – 24 %. Браки с представителями других этносов единичны.

В 1920-х гг. политический фактор, как и примерно восемьдесят или двести лет назад, оказал решающее влияние на дальнейший вектор развития нагайбакской идентичности. Во-первых, это стремительное уменьшение или исчезновение функций таких этномаркирующих ещё в недавнем прошлом как многие элементы материализованной культуры. Во-вторых, в результате реформ утратили прежние функции такие маркирующие как конфессиональная и сословная. В-третьих, нагайбаки получают официальный статус с зафиксированным этнонимом и территориальной легитимацией в виде Нагайбакского р-на. С утратой прежних признаков, нагайбаки обретают новую идентификационную базу – общественно-политический статус. После переписи 1936–1939 гг. они, как и другие малочисленные народы, утратили право на документальную фиксацию собственного этнонима и были причислены к наиболее крупной близкородственной группе – татарам. Однако, несмотря на это, значительная часть нагайбаков в качестве самоназвания продолжала использовать исторически сложившийся этноним и к нач. 1990-х гг. вполне отчётливо позиционировала себя отдельной от татар идентичностью. В результате общественной активности нагайбакских элит появился ряд законодательных актов, вновь легитимировавших их этническую идентичность.

В четвёртой главе рассматривается современное состояние идентичностей нагайбаков. В первом параграфе дан анализ политико-административных факторов в развитии идентичностей и социально-демографическая динамика в течение XX – нач. XXI вв. Представлена подробная этнодемографическая картина по всем населённым пунктам, где проживают нагайбаки и их ближайшие соседи. Нагайбаки центральной группы, оказавшись на территории одного административного района, получили возможность сохранения этнической идентичности. Несмотря на официальный запрет применения этнонима в документах, ощущение единства оставалось и, вероятно, со временем не уменьшалось. Запретив употребление этнонима, власть по какой-то причине не отказалась от изменения наименования района, что также повлияло на сохранение этнического самосознания.

Становление нагайбаков в XX – нач. XXI вв. проходило в новых политических условиях, во время промышленного и сельскохозяйственного освоения территории Юж. Зауралья. Необходимо отметить следующие факторы, повлиявшие на формирование идентичности нагайбаков в данный период:

во-первых, утратив прежний сословный статус, нагайбаки почти сразу обретают новый – они признаются государством как отдельный народ, что было зафиксировано в итогах Всесоюзной переписи населения 1926 г. [http://demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php];

во-вторых, это политико-административная реформа, в результате которой населённые пункты нагайбаков переходят из подчинения Оренбургской в состав Челябинской губ., затем

Уральской обл., а в 1927 г. в составе Троицкого окр. Уральской обл. создаётся Нагайбакский р-н;

в-третьих, на территории Нагайбакского р-на, в связи с освоением целинных земель изменился этнический состав населения: рядом с нагайбакскими появились новые посёлки с преимущественно русским населением, основанные переселенцами из европейской части страны.

Во втором параграфе рассматриваются кряшенский и нагайбакский вопросы в России нач. XXI в. в трёх дискурсивных плоскостях – политической, академической и общественной. Кряшенская проблема существует и является объектом политических дискуссий в основном только на территории Респ. Татарстан, либо с участием представителей политических, научных и общественных элит этой республики в иных форматах [Соколовский, 2009]. Кряшены, проживающие за пределами данного субъекта федерации, например в Респ. Башкортостан или Удмуртии, по причине отсутствия «юрисдикции» Казани объектом политических интересов последней быть не могут. Значительная географическая отдалённость нагайбаков от Респ. Татарстан какое-либо политическое влияние на них со стороны Казани, также как и по отношению к кряшенам Башкортостана и Удмуртии, сводит на нет. Таким образом, нагайбаки, находящиеся вне поля политического влияния руководства Респ. Татарстан выпадают из рамок политического дискурса. Обсуждение кряшенского, в том числе и нагайбакского, вопроса продолжает своё развитие в русле научного дискурса. Здесь также следует отметить совпадение точек зрения по этой проблеме у татарстанских учёных и политического руководства республики. Взаимодействие науки и власти может быть плодотворным, но не всегда. Научный подход и методологии, оказавшиеся за рамками научного обсуждения «работать» перестают, а «научные аргументы, попадая в поле политики, превращаются из рациональных суждений в рационализации» [Соколовский, 2009]. К этому можно добавить, что и в плоскости общественного дискурса научные методологии работают далеко не всегда. Примером тому может служить подготовка и издание Русско-нагайбакского и нагайбакско-русского словаря. Идея его создания возникла несколько лет назад и была воплощена в 2015 г. Разделяя широко распространённое среди нагайбаков мнение о существовании самостоятельного нагайбакского языка, автор словаря, по всей видимости, поставил перед собой задачу отразить это в своей работе. Реализация идеи осуществлена с учётом двух опорных факторов – ревизия правописания литературного татарского языка (что в данной ситуации само по себе естественно и объективно не может являться предметом критики) и лексическая селекция в пользу архаичного пласта, где отсутствует целый ряд фонем, актуально функционирующих в современном языке нагайбаков и татар.

Впервые в новейшей истории России кряшенский вопрос наиболее остро возник перед проведением переписи 2002 г. Представляет интерес дискуссия по этой проблеме, развернувшаяся на заседании Учёного Совета ИЭА РАН в преддверии переписи. Заседание проходило в трёхстороннем формате – представители академического сообщества, законодательной и исполнительной власти РФ и регионов и представители общественных организаций. Стенограмма была опубликована С.В. Соколовским [Соколовский, 2009]. В рамках совещания развернулось обсуждение кряшенской проблемы во всех трёх дискурсивных аспектах. В процессе обсуждения методологической базы учёта этнического состава населения обозначились две диаметрально противоположные позиции. С одной стороны это приверженцы уже сложившейся парадигмы единства татарского народа, с другой – сторонники этнического своеобразия кряшен. Первую точку зрения отстаивали представители политической и академической элит Респ. Татарстан, в пользу второй выступали учёные Москвы и Ижевска, представители кряшенских организаций, Русской православной церкви и региональные политики. Татарстанские научные и политические элиты использовали в качестве главного аргумента в пользу единства татарской нации существование так называемой общей высокой культуры, литературного языка [Хасанов, 2002] и исторически сложившегося этнонима, равноудалённого от каких бы ни было

конфессиональных идентичностей. Сторонники этнического своеобразия кряшен обсуждают проблему главным образом в плоскостях академического и общественного дискурсов. Остроту академического дискурса определяет полярность точек зрения по данному вопросу между учёными Татарстана и другими специалистами из Москвы, Уфы, Омска и других регионов. Различия базируются именно на том, что татарстанские учёные в рамках научного дискурса уделяют большое внимание политической составляющей вопроса, а их оппоненты выстраивают академический дискурс с учётом общественных процессов, протекающих в кряшенской среде.

Нагайбаки, сохраняющие кряшенское самосознание, в силу ряда причин выпадают из политического дискурса проблемы, имеющего место среди элит Респ. Татарстан. В обсуждении проблемы нагайбакской идентичности усматриваются академический и общественный дискурсы, возникшие на рубеже 1980–1890-х гг. На академическом уровне вопросы нагайбакской идентичности рассматривались, прежде всего, казанскими учёными и автором настоящего исследования. Общественный дискурс среди самих нагайбаков получил импульс развития после двух значимых событий в жизни этноса последнего десятилетия XX в. – обретения статуса коренного малочисленного народа и публикации популярного издания М.С. Глухова [Глухов, 1993].

Рост этнического самосознания, повышение интереса к собственной истории и культуре оживил среди части нагайбаков стремление к поиску этноидентификационных признаков. С нач. 1990-х гг. произошли события ставшие свидетельством формирования их современного этнического самосознания. Одним из главных стимулов этого процесса было стремление народа доказать несостоятельность существующей официальной точки зрения по вопросу об этнической принадлежности нагайбаков к татарам. На рубеже 1980–1990-х гг. в Нагайбакском р-не активизировалась музейная деятельность. Значительную часть экспозиций занимают предметы этнографии, казачьей службы, православно-христианской атрибутики нагайбаков. Фольклорные ансамбли исполняют народные песни, хранившиеся до этого в памяти старших поколений. Помимо выступлений на территории района регулярно организуются выезды на песенные фестивали кряшен в Татарстан и другие регионы страны. Общественное движение по изучению казачьего прошлого нагайбаков особенно усилилось в год двухсотлетия Отечественной войны 1812 г. В связи с этим историческим событием группа представителей от нагайбаков отправилась в Европу в путешествие по местам боевой славы. Хроника этого путешествия отражена в видеофильме «Из Парижа в Париж» (реж. С.Ю. Белорусова, Екатеринбург, 2013 г.).

Третий параграф отражает результаты исследований 2014–2015 гг. по изучению социокультурных практик и структуры современных идентичностей нагайбаков. В настоящее время для абсолютного большинства населения важнейшими этническими маркерами являются такие признаки как язык, религиозная принадлежность, физическая антропология, черты характера, предпочтения в хозяйственной деятельности, национальная кухня, исторические символы, обрядово-праздничная культура и фольклор. Этнические маркеры усматриваются в некоторых элементах хозяйственной деятельности и системы питания. Определённым маркером при этнической диагностике нагайбаками и их соседями друг друга является физическая антропология. На территории Нагайбакского р-на отчётливо выделяются две не равные по численности представителей, и чётко разделённые по входящим в них этносам, расовые группы. Одну составляют казахи, вторую – русские, нагайбаки, татары, мордва, украинцы и др. При физико-антропологической диагностике обеими группами друг друга, учитываются морфо-соматические признаки. Здешние казахи, как и большинство их соплеменников, по классификации Я.Я. Рогинского и М.Г. Левина относятся к южносибирской смешанной расе [Рогинский, 1978]. Остальная часть населения принадлежит различным вариантам большой европеоидной расы. Изучение физической антропологии нагайбаков находится на начальной стадии, но имеет перспективы [Макеева, 2013]. В повседневных практиках физико-антропологические различия между нагайбаками и русскими отмечаются не столько по морфологическим признакам, сколько по степени

пигментации. Обнаруживая комплекс европеоидных черт, нагайбаки, по сравнению с русскими, в среднем более тёмно пигментированы. Существование нагайбакского языка для большинства представителей изучаемой группы является бесспорным. Респонденты, которые в повседневных практиках отдают предпочтение русскому, считают нагайбакский язык одним из главных своих этнокультурных признаков [ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 2015]. В представлении нагайбаков о степени близости родного языка с татарским усматриваются две основные тенденции: понимание идентичности или очень близкого родства и стремление к позиционированию нагайбакского языка как самостоятельного, весьма отличающегося от татарского. С 2005 по 2015 гг. доля нагайбаков, использующих нагайбакский язык в качестве основного разговорного существенного не изменилась. Она, как и прежде, составляет около трети населения. Резко, почти вдвое, увеличилась доля говорящих, в основном, по-русски и, соответственно уменьшилась доля говорящих на двух языках в равной степени. Некоторое уменьшение доли населения говорящего по-нагайбакски не снимает вопроса о лингвистическом статусе нагайбакского говора (или языка). Современная религиозная идентичность нагайбаков вполне адекватно отражает этнокультурную картину мира народа. Религия, как и язык, продолжает выполнять этноконсолидирующую функцию. Деление общества на «христиан» и «мусульман» для большинства является понятным и ясным структурированием населения и влияет на выбор приоритетов в различных стратегиях. При этом маркеры «христианин» или «мусульманин» не обязательно должны отражать истинное религиозное состояние человека, например, атеизм. Это скорее народное понимание культурной принадлежности индивидуума по происхождению к какому-либо из этих двух «миров». Признаки, сближающие хозяйственную культуру нагайбаков с таковой у других народов, были отмечены только те, которые объединяют их с казахами. Это касается скотоводства – 2 % респондентов. Материализованная культура, включающая, по мнению респондентов, такие параметры как быт, кухня, традиционная одежда и прочее объединяет нагайбаков с русскими – 21 %, казахами – 8 % и татарами – 1 %. Среди элементов обрядово-праздничной культуры чаще всего респондентами отмечаются такие как традиции и обычаи. По этому показателю нагайбаки отмечают отличие их от русских – 31 %, казахов – 5 %, татар – 5 %. Сходство в обычаях и традициях отмечаются с татарами – 5 %, казахами – 3 %, русскими – 2 %. В обрядово-праздничной культуре современные нагайбаки склонны усматривать больше различий с русскими, татарами и казахами. Больше всего отличий находят с русскими. Сходств больше всего обнаруживают с татарами.

Другой группой признаков, которые респонденты отметили в числе этноидентифицирующих это различные черты этнического характера – гостеприимство, дружелюбие, трудолюбие, общительность, внутригрупповые отношения. По этим характеристикам нагайбаки больше всего сходств видят с русскими – 7 %, казахами – 2 %, татарами – 2 %. Отличий с татарами – 8 %, русскими – 7 %, казахами – 2 %. Нагайбаки, как и большинство населения Российской Федерации, обладают многоуровневой самоидентификацией. Лидирующие позиции занимают этническая – 39 % и политическая (гражданская) – 37 % разновидности идентичностей. Три уровня региональных идентичностей (Нагайбакский район, Челябинская область, Урал) среди нагайбаков составляют незначительную долю.

Развитие нагайбакских идентичностей сопровождалось формированием их этнонимической номенклатуры, которая включает несколько уровней. Все исторически сложившиеся самоназвания нагайбаков продолжают использоваться до настоящего времени. Существуют различия в частоте применения и произношении эндоэтнонимов в зависимости от языка, на котором происходит общение – нагайбакский (татарский) или русский. Существуют различия в применении эндоэтнонимов между нагайбаками центральной и северной групп. Конфессионим «жерэшеннэр» у центральной группы является эндоэтнонимом первого уровня, сложившимся как отражение общекряшенской идентичности. Его функционирование до сегодняшнего дня параллельно с эндоэтнонимом соционимического происхождения – «нагайбаки» свидетельствует о том, что: а)

самоидентификация нагайбаков продолжает сохранять связь с общекряшенской идентификационной платформой; и б) за последние примерно полтора столетия вектор развития самоидентификации нагайбаков движется в сторону обособления от кряшенской среды. Некоторые, сохранившиеся до настоящего времени, локальные самоназвания нагайбаков центральной группы восходят к этниконам Вост. Закамья. Жители с. Кассель и Остроленка называют себя «килий» и «сарашлы» соответственно. Считается, что основателями этих казачьих станиц в 1842–1843 гг. были выходцы из д. Килеево и Сарашлы. Данные названия используются только на нагайбакском языке и только внутри центральной группы.

Старшее поколение помнит о существовании в прошлом других нагайбакских этниконов: у фершампенуазцев – «бакалы», «илек» и «умерле»; у парижан – «яш аул», у тробиятцев – «нугайбек» [ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 1999]. Это, также, связано с названиями населённых пунктов Вост. Закамья, откуда переселились предки нагайбаков. Сейчас подобные названия не используются. Нагайбаки этих населённых пунктов сменили прежние локальные самоназвания на новые, в соответствии с современной топонимией: у фершампенуазцев – «фершамка», «район», у парижан – «парижлар», у тробиятцев – «тробий», у астафьевцев – «астапый» [ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 2012]. Нагайбаки северной группы в настоящее время в качестве самоназваний чаще всего используют два эндоэтнонима различных уровней: этноконфессионализм – «керэшеннэр» и общее локальное – «бакалы» [ПМА. ЧО, Чебаркульский р-н, 2014]. Название «нагайбаки», «нэгэйбэклар» у представителей северной группы в случаях общения на родном языке никогда не использовалось, и в начале XX в. даже не было известно. Его заменяло «бакалы», одинаково распространённое во всех пяти населённых пунктах северной группы [Круковский, 1909]. Несмотря на то, что самоназвание «бакалы» используют одновременно жители нескольких деревень, это обозначение изначально относилось к локальным самоназваниям того же страта, к которому принадлежат подобные у центральной группы – «килий» и «сарашлы», ибо генетически они восходят к этниконам нагайбаков Восточного Закамья. Вероятнее всего, северную группу нагайбаков составили в основном выходцы из с. Бакалы. В настоящее время самоназвание «бакалы» можно считать как сформировавшееся общее самоназвание северной группы. У них же сложились этниконы в соответствии с местной топонимией – «поповцы», «варламовцы» и т.п. При общении на русском языке, как между собой, так и с представителями других этносов, центральная группа использует название «нагайбаки» – 67 %. Подавляющее большинство окружающего их населения знает о существовании только этого этнонима [ПМА. ЧО, Нагайбакский р-н, 2014]. Около трети опрошенного населения ответили, что при разговоре между собой на русском языке используют два этнонима в формах «нагайбаки» и «кряшены». Случаи использования в общении с русскими этнонима «кряшен» единичны. Особенностью нагайбаков северной группы является то, что, не усвоив окончательно этноним «нагайбаки», они к нач. XXI в. в качестве самоназвания при общении с представителями других (не татароязычных) групп, не знающих о существовании нагайбаков в Чебаркульском р-не, стали называть себя русскими. Если собеседник проявляет осведомлённость о существовании данной группы, то представляются как нагайбаки или бакалинцы. При этом самоидентификация при внутригрупповом общении в виде «керэшеннэр» и «бакалы» сохраняется [ПМА. ЧО, Чебаркульский р-н, 2014].

По материалам переписей населения 2002 г. более 80 % населения, где проживают нагайбаки северной группы, назвали себя русскими. В 2010 г. из 3491 чел. – жителей сёл и деревень нагайбаков северной группы русскими себя назвали около 97 %. Этноним «нагайбаки» представителям северной группы в настоящее время известен, но при общении на родном языке используется редко [ПМА. ЧО, Чебаркульский р-н, 2014]. У нагайбаков северной группы, несмотря на их меньшую численность по сравнению с центральной, этнонимическая номенклатура оказывается более сложной, поскольку включает помимо кряшенского и нагайбакского ещё бакалинский и русский уровни общегрупповой самоидентификации. Таким образом, наиболее предпочтительными самоназваниями на

нагайбакском языке является у центральной группы – «керэшеннэр», у северной – «керэшеннэр» и «бакалы». На русском языке у центральной группы – «нагайбаки», гораздо реже – «кряшены»; у северной – «русские», реже – «нагайбаки» или «бакалинцы».

В Челябинской обл. большинству населения этноним «нагайбаки» известен, но за пределами региона, нередко приходится давать разъяснения. Большинство нагайбаков в таких ситуациях объясняют свою этническую принадлежность, используя в обозначениях слово «татары». Например, «крещёные татары» – 53 % или «близкий к татарам народ» – 8 %. Данный факт говорит о том, что большая часть нагайбаков в определённых условиях склонна транслировать татарскую идентичность, вероятно ощущая близость к ней. Чуть более трети в подобных случаях предпочитает ограничиваться обозначением «малочисленный народ» без этнической привязки к татарам. Различные социальные среды, в которых находились нагайбаки, вынуждали транслировать различные уровни идентичностей. Этническая идентичность нагайбаков является комплексом, исторически сформировавшимся из различных слагаемых. В рейтинге самоидентификаций современных нагайбаков этническая идентичность занимает первое место, едва опережая политическую.

Этническая идентичность нагайбаков формировалась, опираясь на оппозицию окружающему этническому большинству. Сначала (до 1843 г.) – татарам, а затем (с 1843 по 1920-е гг.) – русским. В течение XX в. этнический состав окружающего нагайбаков населения изменился. Современное этническое окружение нагайбаков это в большей степени русское (восточнославянское, православно-христианское) и в несколько меньшей степени казахско-татарско-башкирское (тюркское, мусульманское) сообщества. Если до 1920-х гг. нагайбаки центральной группы находились в моноэтнических посёлках, то с кон. 1920-х гг. их этнический состав становится смешанным. Контакты с русскими и другими в XX в. стали причиной возникновения двух тенденций развития этнической идентичности нагайбаков. У северной группы произошла, хотя и не полная, но значительная, ассимиляция русскими. Представители центральной группы, в силу ряда перечисленных выше причин, пошли по пути этнической консолидации. Этническая идентичность центральной группы нагайбаков в условиях полиэтнического окружения проявляет следующую динамику и социальные сферы актуального функционирования. Большинство респондентов – 47 % ощущают и транслируют собственную этническую идентичность в подавляющем большинстве жизненных ситуаций. Среди ответов на вопрос «когда и где вы ощущаете принадлежность к нагайбакскому народу» чаще всего звучало «всегда и везде». Этот показатель сопоставим с числом респондентов, поставивших собственную этническую идентичность на первый уровень. Заметно меньшая группа респондентов ощущает нагайбакскую идентичность только среди родственников – 20 %, не придавая этому значения в иных ситуациях. Ещё меньшую долю составляют ответы, в которых указано, что этническая идентичность имеет значение очень редко или только в празднично-ритуальные дни – 10 %. Почти четверть опрошенного населения – 24 % ответили, что собственная этническая принадлежность не является для них доминирующей.

С утратой и ослаблением таких основных в прошлом идентификационных признаков как сословный, религиозный и языковой возникает вопрос о том, что же на сегодняшний день, при таком высоком уровне этнической самоидентификации, является главным этнодифференцирующим признаком нагайбаков? Один из пунктов анкеты содержал вопрос об оценке собственной этнической идентичности, где, как уже говорилось, наибольшее число ответов прозвучало как «гордость». Это чувство, связанное с принадлежностью к нагайбакам, основано на исторической памяти, которая хранит ряд событий из истории народа. Эти исторические события можно разделить на две группы – связанные исключительно с нагайбаками и произошедшие в масштабах страны. В последнем случае народная память хранит имена прославленных нагайбаков, которые участвовали в крупных военных кампаниях. На дальнейшее развитие нагайбакских идентичностей в течение XX – нач. XXI вв. продолжали оказывать влияние политические факторы. В результате реформ 1920-х гг. нагайбаки обрели официальные статусы – территориально-административный и этнический. В условиях сложившейся практики советского национального строительства это было

необходимым и достаточным условием признания нагайбакской идентичности со стороны государства. В нач. 1990-х гг. лидеры нагайбакской общественности использовали это как один из аргументов для восстановления прежнего официального этнического статуса.

Проблема фиксации этнической идентичности нагайбаков в ряде моментов соприкасается с подобным вопросом, поднимаемым кряшенами Татарстана. Однако, в отличие от последних, нагайбаки избавлены от необходимости рассматривать эту проблему в плоскости политического дискурса. В настоящее время нагайбакский вопрос весьма активно и продуктивно обсуждается в русле общественного и академического дискурсов.

Задачами последней главы являлись диагностика и мониторинг современных идентичностей нагайбаков. Решение их производилось на основе полевых данных. В рамках научного исследования предложен анализ общественных оценок, даваемых самими нагайбаками о наличии собственных этноидентификационных признаков. Результат представлен в виде картины, демонстрирующей, во-первых, современные социокультурные практики нагайбаков, ориентированные на подчёркивание их этнической индивидуальности, что свидетельствует о достаточно высоком уровне группового самосознания; во-вторых, сформировавшуюся этнонимическую номенклатуру, подтверждающую процесс развития собственной нагайбакской идентичности; в-третьих, транслируя собственную этническую идентичность, нагайбаки длительное время находятся в непротиворечивом взаимодействии с ближайшими этническими соседями, являющимися в одних случаях не тюркоязычными, но православно-христианскими, а в других – тюркоязычными, но не православно-христианскими.

В заключении диссертационного исследования сделаны общие выводы. К нач. XXI в. основанием нагайбакской идентичности становится уже не столько язык или материализованная культура, которая изменилась до неузнаваемости и стала уже общей для всех, не сословная принадлежность, которая осталась лишь в воспоминаниях, ни религиозная, ибо не имеет какой-либо специфически нагайбакской окраски. В основе современной нагайбакской идентичности заложена идея существования самой общности. Эта идея воплощается в конкретных действиях, направленных на реконструкцию, сохранение и популяризацию этнической культуры. Периодическое обращение народа к этническим символам – одежде, песням, знаменательным событиям прошлого и т.д. способствует сохранению исторической памяти, передающейся через межпоколенные связи. Таким образом, формирование нагайбакской идентичности происходило под влиянием ряда факторов. Решающую роль в этом процессе играло государство.

Во-первых, как продукт государственной политики по христианизации народов Поволжья появились крещёные татары – «кряшены». В XX в. эта группа этнически обособилась настолько, что значительная её часть уже не приемлет обозначение «крещёные татары», а самоназвание «керэшеннэр» некоторыми воспринимается как настолько оригинальное, что отрицается его возникновение от понятия «крещёный» [Глухов, 1993; URL: <http://kitap.net.ru/gluhov/2-1.php>].

Во-вторых, исключительно следствием государственной политики 1730-х гг. в Юж. Приуралье является возникновение среди кряшен Уфимской пров. сословной группы казаков. Дальнейшие действия администрации были направлены на усиление социальной изоляции этой группы – отселение татар-мусульман от казаков-нагайбаков в более отдалённые населённые пункты, создание кантонального управления, при котором нагайбаки оказались в одних территориальных казачьих подразделениях вместе с русскими. Закономерным итогом этой государственной деятельности становится появление не позднее 1840-х гг. собственного самосознания, основанного на сословной идентичности – «казаки-нагайбаки», «нагайбакские казаки».

В-третьих, развитие нагайбакских идентичностей с 1843 г. продолжилось под влиянием государственного плана колонизации Юж. Зауралья. Переселив их от соплеменников – кряшен Вост. Закамья в почти исключительно русское окружение, Правительство Российской Империи спровоцировало развитие нового вектора нагайбакских

идентичностей. В составе казаков Верхнеуральского у. они уже являются не конфессионально-сословным, а этническим феноменом. В нач. XX в. этническая специфика нагайбакской культуры и идентичности проявлялась отчётливо.

В-четвёртых, на протяжении XX – нач. XXI вв. этническая идентичность нагайбаков получила дальнейшее развитие, утрачивая одни и, приобретая другие идентификационные признаки. Эти изменения складывались под влиянием, как этнокультурных контактов (одежда, жилища, пища, языковые процессы), так и государственной политики (религиозное состояние, сословная принадлежность, политико-административное устройство, кодификация населения по этническому признаку).

За всю историю становления нагайбакской идентичности, последняя формировалась и трансформировалась под воздействием двух важнейших факторов – этнокультурных контактов и внутренней политики государства. Комплекс этнокультурных факторов оказывал существенное влияние, главным образом, на внешние проявления этнической специфики нагайбаков, связанные, в основном, с материализованной культурой. Последовательная реализация различных внутривнутриполитических государственных акций на протяжении всей истории развития группы оказывала решающее воздействие на формирование глубинных – социальных основ самоидентификации нагайбаков.

Конструктивистский методологический подход в изучении становления нагайбакских идентичностей позволил найти объяснение феномену современного этнического самосознания нагайбаков, сформировавшегося, в том числе, на основе группового противопоставления татарам и неприятия этнонима «татары» в качестве самоназвания. Данное исследование построено на принципе не противопоставления двух методологий, а избирательности в их применении. Применение примордиалистского подхода имеет перспективу в исследовании генезиса и начального периода становления нагайбаков. Особенно плодотворно использование этого метода при анализе хозяйства и культуры по состоянию на втор. пол. XIX – нач. XX вв. Примордиалистский метод позволяет реконструировать исторические связи этнических культур. Данная методология исследования, таким образом, устанавливает степень генетических связей нагайбаков и их культуры с поволжскими татарами и другими народами региона, что с исторической точки зрения совершенно справедливо и необходимо для изучения этнической истории. Слабость данного методологического подхода в том, что он не учитывает изменчивости идентификационной базы, в то время как конструктивистская методология предусматривает наличие динамики в становлении идентичностей, сопровождающейся, порой, принципиальными трансформациями в этническом самосознании.

В течение последних двух с половиной – трёх десятилетий российское общество является свидетелем таких этнических процессов на территории бывшего СССР, которые принято обозначать как «подъём национального самосознания», «национальное возрождение» и т.п. Смена методологий учёта этнического состава населения в процессе проведения Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг. обнаружила, что этнических идентичностей в стране гораздо больше, чем это фиксировалось в предыдущие годы. Очевидно, что вопросы диагностики этнических идентичностей со стороны академического сообщества требуют особого внимания. В связи с политическими и общественными событиями последних лет в соседних приграничных с Россией государствах, в рамках научного дискурса возникла новая тема. Она связана с обсуждением вопроса о динамике идентификационной базы среди части населения бывших союзных республик. Эта проблема является чрезвычайно актуальной для нашей страны и ближайших соседей в условиях постсоветской политической реальности. Становление и трансформации нагайбакских идентичностей являются наглядным историческим примером для понимания и осознания подобных процессов.

Содержание диссертации отражено в 45 научных публикациях, из них: 18 – в журналах реестра Высшей аттестационной комиссии (ВАК) при Министерстве образования и науки Российской Федерации и три – авторские монографии общим объёмом 95,28 п.л.

Статьи, опубликованные в ведущих научных журналах, рекомендованных ВАК министерства образования и науки РФ:

1. Атнагулов И.Р. Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4(20). – С. 149-159 (1,4 п.л.);
2. Атнагулов И.Р. Среднеазиатско-закавказские элементы в этногенезе верхнеуральских нагайбаков // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2005. – № 15. – С. 474-476 (0,25 п.л.);
3. Атнагулов И.Р. Языковая ситуация у нагайбаков как составляющая этнической идентичности // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2006. – № 16/2. – С. 290-397 (1,0 п.л.);
4. Атнагулов И.Р. Религиозная идентичность нагайбаков: история формирования и современное состояние // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2007. – № 18. – С. 305-312 (1,0 п.л.);
5. Атнагулов И.Р. Этнодемографическая характеристика населённых пунктов Нагайбакского района Челябинской области с 1842 по 1926 год // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2011. – № 2(32). – С. 357-369 (1,6 п.л.);
6. Атнагулов И.Р. Этническая картина на территории Верхнеуральского уезда – Нагайбакского района с 1842 года до начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2012. – № 2. – С. 404-417 (1,75 п.л.);
7. Атнагулов И.Р. Земледельческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 1. – С. 358-370 (1,6 п.л.);
8. Атнагулов И.Р. К вопросу об этногенезе и периодизации этнической истории нагайбаков // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2. – С. 309-318 (1,0 п.л.);
9. Атнагулов И.Р. Животноводческое хозяйство нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2014. – № 2. – С. 318-323 (0,75 п.л.);
10. Атнагулов И.Р. Этнодемографическая характеристика нагайбаков // Гуманитарные науки в Сибири. – 2014. – № 2. – С. 40-44. (0,6 п.л.);
11. Атнагулов И.Р. Русские исследователи второй половины XIX – начала XX вв. о нагайбаках // Вестник КемГУ. – 2014. – № 2(58). – Т. 2. – С. 32-34 (0,4 п.л.);
12. Атнагулов И.Р. Уровни этнического самосознания и этнонимическая номенклатура нагайбаков // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2014. – № 15(186). – Вып. 31. – С. 95-104 (1,25 п.л.);
13. Атнагулов И.Р. Конфессиональная идентичность нагайбаков в XVIII – XIX веках // Научные ведомости БелГУ. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». – 2015. – № 1(198). – Вып. 33. – С. 75-79. (0,5 п.л.);
14. Атнагулов И.Р. Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования // Уральский исторический вестник. – 2015. – № 2(47). – С. 133-143 (1,5 п.л.);
15. Атнагулов И.Р. Социокультурные практики и структура идентичностей нагайбаков по материалам экспедиций 2014-2015 гг. // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия История, экономика, политология и информатика. – 2015. – № 19(216). – Вып. 36. – С. 136-144 (1,0 п.л.);
16. Атнагулов И.Р. Кряшенский и нагайбакский вопросы в России начала XXI в. (политический, академический и общественный дискурсы) // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2015. – № 4(50). – С. 237-242 (0,5 п.л.);
17. Атнагулов И.Р. Нагайбаки: от сословия к этносу (к вопросу о генезисе идентичности) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Том 44. – № 1. –

С. 137-146 (1,5 п.л.);

18. Атнагулов И.Р. Этноязыковая характеристика нагайбаков в динамике XX – начала XXI века // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 1 (51). – С. 314-323 (0,5 п.л.);

Монографии

19. Атнагулов И.Р. Нагайбаки: Опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2007. – 244 л. (15 п.л.);

20. Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика : монография / И.Р. Атнагулов ; Мин-во культуры Челяб. обл., Челяб. гос. краевед. музей ; [Науч. ред. Г.Х. Самигулов] – Челябинск, 2015. – 217 с. (25,58 п.л.);

21. Атнагулов И.Р. Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Издание 2-е с изменениями и дополнениями. – Магнитогорск: ООО Магнитогорский Дом печати, 2015. – 380 с. (23,75 п.л.);

Статьи и тезисы в других научных периодических изданиях и сборниках

22. Атнагулов И.Р. К вопросу об этнической специфике нагайбаков // Гуманитарные науки в Сибири. – 1998. – № 3. – С. 93-98 (0,4 п.л.);

23. Атнагулов И.Р. О религиозном состоянии казаков-нагайбаков в XIX – нач. XX вв. по данным литературы // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2000. – № 9. – С. 421-425 (0,75 п.л.);

24. Атнагулов И.Р. Этническая специфика материальной культуры нагайбаков // Сибирь в панораме тысячелетий: Материалы международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. С. 28-32 (0,6 п.л.);

25. Атнагулов И.Р. Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков (сер. XIX – перв. треть XX в.) // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 395-399 (0,6 п.л.);

26. Атнагулов И.Р. Ткачество и традиционная одежда казаков-нагайбаков Верхнеуральского уезда Оренбургской губернии в кон. XIX – нач. XX в. // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 470-473 (0,7 п.л.);

27. Атнагулов И.Р. К проблеме этногенеза нагайбаков // Этнические взаимодействия на Южном Урале: тез. докл. регион. науч.-практ. конф. – Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. – С. 142-145 (0,25 п.л.);

28. Атнагулов И.Р. Употребление знаковых в обрядовой культуре нагайбаков // V Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. – Омск, 2003. – С. 192 (0,1 п.л.);

29. Атнагулов И.Р. Основные этапы этнической истории казаков-нагайбаков (конец XVII – начало XX в.) // Проблемы российской истории. – 2003. – Вып. II. – С. 424-433 (0,6 п.л.);

30. Атнагулов И.Р. Происхождение нагайбаков. Проблема возникновения и становления этноса // Народы Евразии. Этнос, этническое самосознание, этничность: проблемы формирования и трансформации. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2005. – С. 42-52 (0,75 п.л.);

31. Атнагулов И.Р. Формирование нагайбаков в Восточном Закамье во втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в. // Материалы региональной научно-практической конференции, посвящённой 450-летию добровольного вхождения Башкирии в состав России. – Магнитогорск: Изд-во МаГУ, 2007. – С. 49-52 (0,25 п.л.);

32. Атнагулов И.Р. Этнокультурная идентичность нагайбаков: современное состояние и перспективы // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Саранск, 9-14 июля 2007. – С. 182.

33. Атнагулов И.Р. Языковая идентичность нагайбаков // VIII Конгресс этнографов и

антропологов России. Тезисы докладов. Оренбург, 1-5 июля 2009 г. – С. 214 (0,1 п.л.);

34. Атнагулов И.Р. Жертвенное животное в обрядовой культуре нагайбаков // VII Конгресс этнографов и антропологов России. Тезисы докладов. Саранск, 9-14 июля 2007. – С. 290 (0,1 п.л.);

35. Атнагулов И.Р. Нагайбаки: этническая и сословная специфика (1736 – 1842 годы) // Сибирское казачество: история и современность: сборник научных статей. – Омск: Издательский дом «Наука», 2011. – С. 99-106 (1,0 п.л.);

36. Атнагулов И.Р. Этнографическое описание конструкций и типов жилищ нагайбаков Верхнеуральского уезда второй половины XIX – начала XX века // Культура Урала как региональный компонент художественного образования. Сборник статей. – Москва: «Полиграф», 2011. – С. 55-60 (0,5 п.л.);

37. Атнагулов И.Р. Формирование и современная этническая идентичность нагайбаков // Этнические взаимодействия на Южном Урале: сб. науч. тр. – Челябинск: Рифей, 2013. – С. 334-340 (0,9 п.л.);

38. Атнагулов И.Р. Религиозная принадлежность нагайбаков: факторы формирования и современное состояние // Гороховские чтения: материалы четвертой региональной музейной конференции. – Челябинск, 2013. – С. 159-162 (0,5 п.л.);

39. Атнагулов И.Р. Нагайбаки // Кряшеноведение. Научный альманах. 2014. Вып. 1. – С. 32-52 (1,3 п.л.);

40. Атнагулов И.Р. Становление и развитие конфессиональной идентичности нагайбаков в контексте этнокультурных взаимодействий в Южном Приуралье // Этнические взаимодействия на Южном Урале: материалы VI Всерос. науч. конф. / ред. кол.: В.И. Богдановский (предс.) и др.: отв. ред. А.Д. Таиров. – Челябинск, 2015. – С. 353-358 (0,5 п.л.).

41. Атнагулов И.Р. Государственный фактор в истории формирования этнической идентичности нагайбаков // Этнос. Общество. Цивилизация: Четвёртые Кузеевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции (Уфа, 30 сентября 2015 г.). – Уфа: Полиграфсервис, 2015. – С. 238-241 (0,25 п.л.);

42. Атнагулов И.Р. О некоторых группах среднеазиатско-кавказского происхождения, вошедших в состав нагайбаков // Россия и Восток: взаимодействие стран и народов: Труды X Всероссийского съезда востоковедов, посвящённого 125-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Ахмет-Заки Валиди Тогана. Книга 1. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2015. – С. 300-304 (0,3 п.л.);

43. Атнагулов И.Р. Музыкальный фольклор нагайбаков как этноидентификационный признак // Традиционная культура народов Поволжья: материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (10-12 февраля 2015 г.). – Казань: Ихлас, 2015. – С. 45-54 (0,5 п.л.);

44. Атнагулов И.Р. Конфессиональная идентичность нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века // Традиционная культура народов Поволжья: материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (9-11 февраля 2016 г.): в 2 ч. Ч. 1 (А-К). Сост. Г.К. Мансурова. – Казань: Ихлас, 2016. – С. 43-50 (0,3 п.л.);

45. Атнагулов И.Р. Основания идентичностей нагайбаков по материалам экспедиций 2014-2015 гг. // Кряшенское историческое обозрение. 2016. № 1. – С. 16-44 (1,5 п.л.).